

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения
и балканистики

ИСТОРИЧЕСКАЯ
АКЦЕНТОЛОГИЯ
И СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
МЕТОД

Москва
"НАУКА"

Главная редакция восточной литературы
1989

лит.	– литературный (язык)
личн.	– личностное (имя)
рук.	– рукопись (рукописный памятник)
сер.	– середина
служ.	– служебная (частица)
собр.	– собрание (музейное)
совр.	– современный (язык)
соот.	– соответствующий
старопеч.	– старопечатная (книга)
суб.	– субъектный
суф.	– суффикс
сущ.	– существительное
Т(в).	– творительный (падеж)
указ.	– указательное (местоимение)
ф.	– фонд
фм.	– форма
ч.	– число
четв.	– четверть
чл.	– членная (форма)
эпент.	– эпентетический

п.ф.	– полные формы
Р.	– родительный (падеж)
acc.	– accusativus
dat.	– dativus
dual.	– dualis
erg.	– ergativus
f.	– femininum
gen.	– genitivus
inf.	– infinitivus
instr.	– instrumentalis
intr.	– intransitivum
loc.	– locativus
m.	– masculinum
n.	– neutrum
nom.	– nominativus
part.	– participium
pl.	– pluralis
praes.	– praesens
sg.	– singularis
tr.	– transitivum
tr.-caus.	– transitivum-causativum

В.А. Дыбо

ТИПОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМ

Акцентная система, реконструируемая на основе балтийских и славянских фактов, характеризуется следующими чертами¹.

Акцентные типы. У неизменяемых – две акцентные парадигмы: 1-я а.п. – неподвижная с постоянным ударением на корне, 2-я а.п. – подвижная, включающая два типа словоформ: а) формы с ударением на окончании, б) формы *enclitomena*, безударные в большинстве фразовых позиций, но в абсолютной позиции получающие начальное ударение. У производных – три акцентных типа: тип А – с неподвижным ударением на корне, тип В – с неподвижным ударением на суффиксе, тип С – с подвижным ударением (= 2-й а.п.).

Выбор акцентных типов. У неизменяемых акцентные парадигмы традиционны, т.е. каждой основе присуща одна из двух акцентных парадигм, которая не предсказывается какой-либо информацией, исходящей из синхронной системы языка. Выбор акцентных типов производных определялся двумя параметрами: а) производящего и классом суффикса (по характеру влияния на выбор суффиксы делились на два класса, I и II), – и происходил следующим образом: от основ 1-й а.п. независимо от класса суффикса выбирался акцентный тип А, от основ 2-й а.п. при суффиксах класса I – тип С, т.е. тип, в котором были словоформы с ударением на окончании и словоформы *enclitomena*, при суффиксах класса II – тип В, в котором иктус был привязан к суффиксу.

На эту систему акцентных типов налагалась система фразовых модификаций акцента энклиноменов, анализ которой приводит к выводу, что формы энклиноменов следует рассматривать как фонологически безударные.

Такой тип акцентной системы получил в обиходе Московской акцентологической школы обозначение «парадигматический тип акцента» (или «парадигматический акцент»). Традиционность выбора акцентной парадигмы неизменяемыми была названа первым прин-

Условные обозначения

x	– при цифре после примера обозначает «раз», т.е. число встретившихся примеров с данной словоформой.
	– конец строки (в рукописном или старопечатном памятнике).
	– конец страницы там же.
· (точка)	– в западнокавказских примерах указывает границу между морфемами одного слова.
: (двоеточие)	– употребляется в западнокавказских примерах для обозначения границы между морфемами, образующими в словоформе тесно связанную группу, например, показатель косвенного объекта и локативный преверб с падежным значением.
- (дефис)	– в западнокавказских примерах используется для отделения показателей склонения или спряжения.
/ или //	– косая черта ставится между примерами, являющимися акцентологическими вариантами.

ципом парадигматического акцента, обусловленность выбора акцентных типов производных акцентными парадигмами производящих – вторым принципом парадигматического акцента. Акцентные системы, у которых удается проследить оба принципа, называются нередуцированными системами парадигматического акцента, акцентные системы, у которых прослеживается лишь первый принцип, – редуцированными системами парадигматического акцента.

Нередуцированный характер балто-славянской системы позволяет сделать вывод о глубинной структуре такой системы. Между, казалось бы, разнородными характеристиками обсуждаемой системы: традиционностью выбора акцентной парадигмы непродеривированных, правилами выбора акцентной парадигмы производных, видом акцентных кривых и фонологическим статусом форм-энклиноменов, – очевидно существует глубинная связь.

Тот факт, что традиционная акцентная парадигма непродеривированных определяет выбор акцентных типов производных, указывает на то, что именно корневой морфеме (а не основе или слову в целом) следует приписать некое (морфонологическое) качество – «валентность», – определяющее выбор акцентного типа. При этом таких валентностей оказывается две: одна из них определяет место иктуса на корне как в непродеривированных, так и в производных (первая валентность), другая не определяет (вторая валентность). Этому разбиению корневых морфем соответствует разбиение суффиксов: класс II суффиксов определяет постановку иктуса (при корневой морфеме второй валентности) – класс первой валентности; класс I суффиксов не определяет постановку иктуса – класс второй валентности.

Наконец, анализируя отношения в акцентных кривых подвижного акцентного типа, мы видим, что эти же валентности могут быть приписаны морфемам окончаний: окончаниям, несущим на себе иктус (при корнях и суффиксах второй валентности), может быть приписана первая валентность (равная валентности корней непродеривированных имен 1-й а.п.), окончаниям безударным (при корнях и суффиксах со второй валентностью) – вторая валентность. Важным моментом, подтверждающим это разбиение, является тот факт, что словоформы, состоящие исключительно из морфем со второй валентностью, обладали фонологическим статусом безударности.

Очевидно, что между валентностями существует иерархическая зависимость, которую можно определить как отношение доминантности–рецессивности: при наличии морфемы первой валентности положение иктуса определяется ею, независимо от наличия, количества и расположения относительно нее морфем второй валентности.

Исходя из этой иерархии, легко получить правило постановки иктуса в балто-славянском. Для этого используется следующий прием.

Введем специальные пометы при морфемах: морфема первой валентности получит помету (+), морфема второй валентности – помету (–).

Рассмотрим, что происходит с иктусом при составлении последовательностей из меченых таким образом морфем²:

(1) $stār-ȳc-ȳ̄$ (gen. pl.); $brjūx-qt-ȳ̄-t̄$ (inf.); $vȳ-dēl-q-t̄$ – в последовательности, состоящей только из (+)-морфем, иктус – на первой морфеме;

(2) $l̄ēn-ȳ$ (nom. sg. m.); $l̄ēn-ost-ȳ$ (nom. sg.); $l̄ēn-ost-ȳ-n-o$ (nom. sg. n.); $kr̄ūv-av-q$ (acc. sg. f.); $ō-kr̄ūv-av-i-l-ȳ$ (l-part., nom. sg. m.) и т.д. – в последовательности, состоящей только из (–)-морфем, иктус – на первой морфеме;

(3)	$l̄ēn-ost-ȳ-j̄q̄$	(instr. sg.)	–	–	–	+
	$m̄ēx-ov-ȳj-e$	(nom. sg. n.)	–	–	+	–
	$mold-ȳc-e-mȳ$	(instr. sg. m.)	–	+	–	–
	$gl̄ād-ȳk-o-mȳ$	(instr. sg. m.)	+	–	–	–

– в последовательности, включающей лишь одну (+)-морфему, иктус – на этой (+)-морфеме, независимо от числа и расположения (–)-морфем;

(4) $stār-ost-ȳ-j̄q̄$ (instr. sg.), $bo-g-ȳt-o-j̄q̄$ (instr. sg. f.), $m̄ēd-ēn-ȳc-e-j̄q̄$ (instr. sg.), $m̄ēd-ēn-ȳc-ȳ$ (nom. sg.) и под- в последовательности, состоящей из нескольких (+)-морфем, разделенных (–)-морфемами, иктус – на первой (+)-морфеме;

(5) $kōz-ȳj-e-j̄q̄$ (instr. sg. f.), $st̄ol-ič-ȳn-o-j̄q̄$ (instr. sg. f.), $č̄ȳrn-ič-ȳn-ȳk-ȳ̄$ (gen. pl.), $č̄ȳrn-ič-ȳn-ȳk-o-mȳ$ (instr. du. m.), $ȳ̄en-ȳstv-ȳn-ost-ȳ-j̄q̄$ (instr. sg.) и под- в последовательности, состоящей из нескольких однородных последовательностей («платформ») (+)-морфем, отделенных одна от другой (–)-морфемами, иктус – на первой морфеме первой последовательности (+)-морфем.

(1) и (2) показывает, что последовательности морфем одинаковой валентности получают иктус на первой морфеме.

(3) и (4) показывает, что последовательности морфем разной валентности получают иктус на первой доминирующей морфеме.

Учитывая (5), можно сформулировать общее контурное правило, регулирующее постановку иктуса во всех типах последовательностей морфем в балто-славянском: иктус ставится в начале первой последовательности морфем высшей валентности³ (последовательностью в данном случае считается и одиночная морфема). Возможно, что в последовательности морфем исключительно (–)-валентности иктус, падавший в соответствии с правилом на начало последовательности, фонетически отличался от иктуса, ставившегося в остальных случаях.

Однако установить, когда и в какой мере это отличие принадлежало иктусу, а когда и в какой мере другим просодическим характеристикам данной последовательности морфем, на настоящей стадии исследования невозможно, поэтому контурным правилом эта особенность не отмечается.

Примечание. Очевидно, что при учете синтаксических закономерностей организации синтагматических единств (тактовых групп) такое рассмотрение можно перенести и на тактовые группы: *na-voz-ɔ* (acc. sg.), *na-voz-ɔ-ʒe* (acc. sg.); *ne-o-krov-av-i-l-ɔ* (l-part.), *ne-o-krov-av-i-l-ɔ-sa* (l-part.); *s-dbrz-j-q* (1-e sg. praes), *s-dbrz-j-q-ze-se* и под.

Поиски типологически аналогичных систем приводят к западно-кавказским акцентным системам, из которых абхазская резко бросается в глаза тем, что прием, примененный нами для анализа балто-славянской системы в итоге ее изучения, может быть введен здесь почти механически в самом начале исследования.

В абхазском языке у непроезженных имен усматриваются три акцентных типа, определяемые поведением акцента в трех словарных формах: тип I (а.п. а) — чл. фм. *a-la*, еднч. фм. *la-k*, мн.ч. *a-la-k-a* 'собака'; тип II (а.п. б) — чл. фм. *a-bla*, еднч. фм. *bla-k*, мн.ч. *a-bla-k-a* 'глаз'; тип III (неподвижный) — чл. фм. *a-psa*, еднч. фм. *psa-k*, мн.ч. *a-psa-k-a* 'рыба'. Последний тип аналогичен акцентному типу III словосложений и, если исключить многочисленные заимствования, входящие в него, его составляют деэтимологизированные словосложения акцентного типа III, второй элемент которых содержал выпавший в безударной позиции гласный (акцентный тип III наблюдается у тех словосложений, первый элемент которых относился к акцентному типу I, второй — к акцентному типу II; закономерность неподвижности акцента при таком сочетании компонентов будет ясна из дальнейшего⁴). В тех же случаях (относительно редких), в которых можно предполагать первичную одноморфемность соответствующего абхазского слова, оно восходит, по-видимому, к двуслоговой основе типа SVCa с просодическими характеристиками слогов, соответствующими просодическим характеристикам компонентов словосложения акцентного типа III (см. ниже).

Поведение акцента типов I и II в парадигме тесно связано с его перемещениями при постановке словоформы в минимальное фразовое окружение (т.е., главным образом, при соединении с «энклитикой»), поэтому оба явления могут рассматриваться совместно. Наблюдается следующее их распределение (см. табл. I, способ введения подстрочной маркировки объясняется в комментариях).

	№	Формы и типы окружения	Акц. тип I(a)	Акц. тип II(b)
Формы без члена и без притяжательных префиксов	1	Изолированная форма	<i>la'</i> 'собака'	<i>bla'</i> 'глаз'
	2	Единичная форма	<i>wasá</i> 'овца'	<i>sasá</i> 'гость'
	3	instr.	<i>la-k</i> , <i>wasá-k</i>	<i>bla-k</i> , * <i>sasá-k</i> (> <i>bla-k</i> , <i>sasá-k</i>)
	4	casus caritivus	<i>šq-la</i> 'кровью' <i>ɣ-la</i> 'головой' <i>spá-la</i> 'ногой', 'пешком' <i>ɣ-nq-la</i> 'днем' <i>ɣ-la</i> 'водой' <i>labq-la</i> 'палкой'	<i>má-š-la</i> 'силой' <i>mgo-a-la</i> 'брюхом' <i>má-š-la</i> 'днем' <i>stax-la</i> 'следом' <i>ɣ-x-la</i> 'ночью' <i>bž-a-la</i> 'пополам'
	5	Чистая основа с союзом <i>g'a</i>	бзыб. <i>wasá-da</i> 'без овцы'	бзыб. <i>má-da</i> 'без солнца'
	6.	Нечленное мн.ч.	<i>nc^oa-g'a</i> 'и бог' <i>pha-g'a</i> 'и дочь' <i>pa-g'a</i> 'и сын'	<i>m^oa-g'a</i> 'и дорога' <i>pa-g'a</i> 'и священник' <i>harak-g'a</i> 'и высокий'
	7.	Неопред. форма мн.ч.	<i>pa-c^oa</i> 'сыновья' <i>ž-a-k^o-k</i> 'несколько зайцев' <i>la-k^o-k</i> 'несколько собак'	<i>sa-c^oa</i> 'гости' <i>žma-k^o-k</i> 'несколько коз'
Членные и притяжательные формы	8.	Чл. форма	<i>q-la</i> , <i>q-wasá</i>	<i>q-bla</i> , <i>q-sas</i>
	9.	Притяж. форма	<i>š-la</i> 'моя собака' <i>š-wasá</i> 'моя овца'	<i>š-bla</i> 'мой глаз' <i>š-sas</i> 'мой гость'
	10.	Притяж. еднч. форма	<i>ž-la-k</i> 'одна его собака'	<i>ž-mah^o-k</i> 'один его зять'
	11.	Чл. форма instr.	<i>q-ɣ-la</i> 'головой' <i>a-špa-la</i> 'ногой' и т.п.	<i>q-mgo-a-la</i> 'животом' <i>a-xa-la</i> 'жердью' <i>q-ɣba-la</i> 'кораблем'
	12.	Мн.ч. (чл. форма)	<i>a-la-k^oa</i> , <i>q-wasá-k^oa</i> <i>q-pa-c^oa</i>	<i>q-bla-k^oa</i> , <i>q-žma-k^oa</i> <i>q-sas-c^oa</i>
	13.	Мн.ч. (притяж. форма)	<i>š-la-k^oa</i> , <i>š-wasá-k^oa</i> <i>špa-c^oa</i>	<i>š-bla-k^oa</i> , <i>š-žma-k^oa</i> <i>š-sas-c^oa</i>
	14.	Чл. форма с союзом <i>g'a</i>	<i>q-la-g'a</i> , <i>q-wasá-g'a</i>	<i>q-bla-g'a</i> , <i>q-sas-g'a</i>
	15.	Притяж. форма с союзом <i>g'a</i>	<i>š-la-g'a</i> , <i>š-wasá-g'a</i>	<i>š-bla-g'a</i> , <i>š-sas-g'a</i>
	16.	Мн.ч. (чл. форма с союзом <i>g'a</i>)	<i>q-la-k^oa-g'a</i> <i>q-wasá-k^oa-g'a</i> <i>q-pa-c^oa-g'a</i>	<i>q-bla-k^oa-g'a</i> <i>q-žma-k^oa-g'a</i> <i>q-sas-c^oa-g'a</i>
	17.	Мн.ч. (притяж. форма с союзом <i>g'a</i>)	<i>š-la-k^oa-g'a</i> <i>š-wasá-k^oa-g'a</i> <i>špa-c^oa-g'a</i>	<i>š-bla-k^oa-g'a</i> <i>š-žma-k^oa-g'a</i> <i>š-sas-c^oa-g'a</i>

а) Суффиксы с (+)-валентностью

Примечание. Для редко встречаемых форм и позиций в таблице приводится материал, зафиксированный в научной литературе и в акцентуированных текстах (в большинстве своем диалектных).

Комментарии .

(а) Можно утверждать, что акцент в изолированных словоформах (равных корневым морфеме) обоих акцентных типов расположен на конце словоформы: это очевидно на примере двусложных корневых морфем.

(б) В формах 2, 3, 4 конечное ударение словоформы сохраняется в типе II, но оттягивается на основу в типе I. Эта способность основ, входящих в тип I, оттягивать ударение не имеет никакого фонологического объяснения и относится к уровню морфонологии.

(в) Морфемы, обладающие способностью оттягивать акцент в данных формах, можно отметить знаком +, морфемы, у которых такой способности нет — знаком —.

(г) В формах 8, 9 присоединение члена и притяжательных префиксов вызывает перемещение ударения в типе II на член и, соответственно, на префиксы. Повторяя операцию (в), мы можем этим формантам приписать знак +.

(д) Обнаруживается, что ударение данным формантам отдают лишь морфемы, отмеченные знаком —, тогда как морфемы, отмеченные знаком +, удерживают акцент.

(е) В связи с последним можно расширить основу маркировки: морфемы *-kə, -la, -da* отдающие в формах 2, 3, 4 ударение предшествующей (+)-морфеме, можно рассматривать как отмеченные знаком —, морфемы *-c^oa, -k^oa, -gə*, сохраняющие ударение в формах 5, 6 (а также 12, 13, 14, 15) с предшествующей (+)-морфемой (тип I), — как отмеченные знаком +.

(ж) Распространив теперь эту маркировку на все остальные словоформы, получаем картину, представленную в табл. 1.

Опираясь на введенные обозначения (см. табл. 1 и комментарии), легко сформулировать единое правило акцентировки разобранных морфемных последовательностей. Введя понятие морфонологических ступеней акцентуационной «валентности» (высшая — морфемы, маркированные знаком +, низшая — морфемы, маркированные знаком —), можно утверждать, что ударение всегда ставится в конце первой последовательности морфем высшей валентности.

Легко показать, что этот способ маркировки и правило, регулирующее постановку акцента, распространяются на всю систему абхазского языка лишь с незначительными усложнениями (преимущественно, в глаголе), имеющими историческое объяснение.

Суф. *-ra* (абстрактные и собирательные имена и имена действия — масдары от глагольных основ):

акц. тип I производящих — 1. *q-l⁺q⁺ra⁺* 'собачье состояние' (*q-l⁺q⁺* 'собака'); 2. *q-x⁺q⁺ra⁺* 'малость' (*q-x⁺q⁺* 'маленький'); 3. *q-γ⁺ra⁺* 'дощатый пол' (*q-γ⁺* 'доска'); 4. *q-h⁺ra⁺* 'грушевый сад' (*q-h⁺* 'груша'); 5. *q-h⁺asa⁺ra⁺* || *q-ph⁺asa⁺ra⁺* 'лес или множество алыч' (*q-h⁺asa⁺* || *q-ph⁺asa⁺* 'алыча'); 6. *q-h⁺ənc⁺o⁺ra⁺* 'масса грязи, место с такой массой грязи' (*q-h⁺ənc⁺o⁺* || *q-h⁺ənc⁺o⁺* 'грязь'); 7. *q-ba⁺ps⁺ra⁺* 'зло, несчастье' (*q-ba⁺ps⁺* 'злой, несчастный'); 8. *q-bz⁺ra⁺* 'житье, жизненность' (*q-bz⁺* 'живой'); 9. *q-ga⁺za⁺ra⁺* 'грубость, невежество' (*q-ga⁺za⁺* 'дурак, невежа'); 10. *q-⁺a⁺ra⁺* 'липовая роща' (*q-⁺a⁺* 'липа'), и под;

акц. тип II производящих — 1. *q-x⁺a⁺ra⁺* 'каштановая роща' (*q-x⁺a⁺* 'каштан'); 2. *q-ma⁺γ⁺ra⁺* 'место, заросшее колючкой' (*q-m⁺γ⁺* 'колючка'); 3. *q-x⁺asa⁺ra⁺* 'грабовая роща' (*q-x⁺əc⁺* || *q-x⁺asa⁺* 'граб'); 4. *q-ž⁺ra⁺* 'дубовый лес' (*q-ž⁺* 'дуб'); 5. *q-bna⁺ra⁺* 'лесистое место' (*q-bn⁺a⁺* 'лес'); 6. *q-š⁺o⁺ra⁺* 'буковая роща' (*q-š⁺o⁺* 'бук'); 7. *q-x⁺ənta⁺ra⁺* || *q-x⁺ənt⁺ra⁺* 'тяжесть' (*q-x⁺ənta⁺* || *q-x⁺ənt⁺* 'тяжелый'); 8. *q-x⁺a⁺ra⁺* 'сладость' (*q-x⁺a⁺* 'сладкий'); 9. *q-ž⁺bar⁺ra⁺* || *q-ž⁺bar⁺ra⁺* 'стремительность' (*q-ž⁺bara⁺* 'добрый, шустрый, стремительный'); 10. *q-gm⁺əg⁺ra⁺* 'мерзость, гнусность, подлость, безобразие' (*q-gm⁺əg⁺* 'мерзкий, гадкий, отвратительный, противный, гнусный, презренный'), и под.

Акцентный тип масдара является, во всяком случае для бесприставочных глаголов, наиболее ясным представителем акцентного типа глагола в целом, и в дальнейшем при анализе отглагольного словообразования, а также при анализе акцентировки других форм глагола в качестве показателя его акцентного типа приводится масдар соответствующего глагола. Здесь приведем несколько типичных примеров:

акц. тип I глагола — 1. *q-h⁺o⁺ra⁺* 'говорить'; 2. *q-ga⁺ra⁺* 'брать, уносить'; 3. *q-bq⁺ra⁺* 'видеть'; 4. *q-ca⁺ra⁺* 'идти'; 5. *q-⁺o⁺ra⁺* 'сидеть'; 6. *q-pš⁺ra⁺* 'смотреть'; 7. *q-pš⁺ra⁺* 'умирать'; 8. *q-š⁺ra⁺* 'убивать'; 9. *q-ž⁺ra⁺* 'жарить'; 10. *q-p⁺ra⁺* 'летать', и т.п.

акц. тип II глагола — 1. *q-qa⁺ra⁺* 'быть'; 2. *q-pa⁺ra⁺* 'прыгать'; 3. *q-c⁺o⁺ara⁺* 'спать'; 4. *q-3⁺o⁺ara⁺* 'мыть'; 5. *q-ta⁺ra⁺* 'давать'; 6. *q-š⁺ra⁺* 'бить'; 7. *q-ž⁺o⁺ra⁺* 'пить'; 8. *q-š⁺o⁺ra⁺* 'убегать'; 9. *q-ča⁺ra⁺* 'кусать'; 10. *q-ž⁺sa⁺ra⁺* 'плавать', и т.п.

Суф. -*ə* (отыменные относительные прилагательные и отглагольные имена со значением «подлежащий совершению или действию»): отыменные образования:

акц. тип I производящих имен — 1. *q-bəwə.ə* 'медный' (*q-bəwə* 'медь'); 2. *q-mčə.ə* 'деревянный' (*q-mčə* 'дерево, дрова'); 3. *q-cə.ə* 'яблочный, яблоневый' (*q-cə* 'яблоко'); 4. *q-xə.ə* 'золотой' (*q-xə* 'золото'); 5. *q-pš.ə* 'животное' (*q-pš* 'душа, дух') и под;

акц. тип II производящих имен — 1. *q-bawə.ə* 'костяной' (*q-bawə* 'кость'); 2. *q-š.ə* 'дубовый' (*q-š* 'дуб'); 3. *q-šə.ə* 'ясеневый' (*q-šə* 'ясень'); 4. *q-xə.ə* 'каштановый' (*q-xə* 'каштан'); 5. *q-mzə.ə* 'месячный' (*q-mzə* 'луна, месяц', *q-mz* 'месяц'), и под;

отглагольные образования:

акц. тип I глагола — 1. *q-cə.ə* 'подлежащий изучению, урок' (*q-cə.ə* 'учиться, изучать'); 2. *q-gə.ə* 'подлежащий уносу, увозу' (*q-gə.ə* 'уносить, увозить'); 3. *q-šə.ə* 'подлежащий делению, делимое' (*q-šə.ə* 'делить'); 4. *q-šə.ə* 'предназначенный для убоя, убойный' (*q-šə.ə* 'убивать, забивать'); 5. *q-šə.ə* 'достойный удивления, удивительный' (*q-šə.ə* 'удивляться'), и под;

акц. тип II глагола — 1. *q-fə.ə* 'пища' (*q-fə.ə* 'есть'); 2. *q-zə.ə* || *q-zə.ə* 'подлежащий шитью' (*q-zə.ə* 'шить'); 3. *q-zə.ə* 'стиральный, для стирки, для мытья' (*q-zə.ə* 'мыть'); 4. *q-cə.ə* || *q-cə.ə* 'то, что надлежит прятать' (*q-cə.ə* 'прятать'); 5. *q-ti.ə* [= *q-tə.ə*] 'продажный' (*q-ti.ə* [= *q-tə.ə*] 'продавать'), и под.

Суф. -*ə* (отглагольные имена деятеля):

акц. тип I глагола — 1. *q-cə.ə* 'учащийся, ученик' (*q-cə.ə* 'учиться'); 2. *q-šə.ə* 'вор' (*q-šə.ə* 'воровать'); 3. *q-šə.ə* 'трус' (*q-šə.ə* 'бояться'); 4. *q-šə.ə* 'сварливый, беспокойный человек' (*q-šə.ə* 'браниться, ссориться'); 5. *q-šə.ə* || *q-šə.ə* 'писец' (*q-šə.ə* 'писать'), и под;

акц. тип II глагола — 1. *q-šə.ə* 'смехач' (*q-šə.ə* 'смеяться'); 2. *q-zə.ə* 'пловец' (*q-zə.ə* 'плавать'); 3. *q-zə.ə* 'портной' (*q-zə.ə* 'шить'); 4. *q-šə.ə* 'читатель' (*q-šə.ə* 'читать; звать'); 5. *q-ti.ə* [= *q-tə.ə*] 'продавец' (*q-ti.ə* [= *q-tə.ə*] 'продавать'), и под.

б) Суффиксы с (-)-валентностью

Суф. -*ga* (отглагольные имена с значением «орудие, средство действия; служащий для соответствующего действия»):

акц. тип I глагола — 1. *q-čə.ə.ga* 'мотыга' (*q-čə.ə.ga* 'мотыжить'); 2. *q-šə.ə.ga* 'лопата, лопатка' (*q-šə.ə.ga* 'рыть, копать'); 3. *q-šə.ə.ga* 'посуда для варки' (*q-šə.ə.ga* 'варить'); 4. *q-šə.ə.ga* 'для жарения принадлежность для жарения' (*q-šə.ə.ga* 'жарить'); 5. *q-šə.ə.ga* 'орудие для писания, перо, письменная принадлежность' (*q-šə.ə.ga* 'писать') и под;

акц. тип II глагола — 1. *q-šə.ə.ga* 'посуда для питья' (*q-šə.ə.ga* 'пить'); 2. *q-zə.ə.ga* 'швейный, служащий для шитья' (*q-zə.ə.ga* 'шить'); 3. *q-pxə.ə.ga* 'для чтения, учебник' (*q-pxə.ə.ga* 'читать'); 4. *q-psə.ə.ga* 'носильное нижнее белье' (*q-psə.ə.ga* 'сменять, переменять'); 5. *q-ka.ə.ga* 'весы' (*q-ka.ə.ga* 'взвешивать'), и под.

Суф. -*ta* (отглагольные имена места действия):

акц. тип I глагола — 1. *q-pxə.ə.ta* 'место ночлега' (*q-pxə.ə.ta* 'переночевать'); 2. *q-ia.ə.ta* 'постель, ложе' (*q-ia.ə.ta* 'лечь, лежать'); 3. *q-hə.ə.ta* 'пастбище' (*q-hə.ə.ta* 'пастись'); 4. *q-tə.ə.ta* 'сидение (место)' (*q-tə.ə.ta* 'сидеть'); 5. *q-nxə.ə.ta* 'место жительства' (*q-nxə.ə.ta* 'заселять, поселаться'), и под;

акц. тип II глагола — 1. *q-pxə.ə.ta* 'читальня' (*q-pxə.ə.ta* 'читать, спрашивать'); 2. *q-cə.ə.ta* 'место сна' (*q-cə.ə.ta* 'спать'); 3. *q-lə.ə.ta* 'начало' (*q-lə.ə.ta* 'начать'); 4. *q-krə.ə.ta* 'столовая' (*q-krə.ə.ta* 'есть, кушать', *q-fə.ə.ta* 'есть'; *krə-* в этом примере показатель встроенного объекта, имеет (+)-валентность, как и член *a-*); 5. *q-bə.ə.ta* [*q-bə.ə.ta*] 'мануфактурный магазин', где *q-tə.ə.ta* 'место продажи' находится в сложении с *q-bə.ə.ta* 'мануфактура' (*q-ti.ə.ta* 'продавать', в морфонологической записи: *q-tə.ə.ta*), и под.

ИМЕННОЕ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

Словосложение в абхазском языке является основным средством именного словообразования. Большинство словосложений двучленные и к ним непосредственно относятся устанавливаемые правила выбора акцентного типа. При большем числе членов выбор акцентного типа соответственно усложнен.

Выбор акцентного типа словосложения определяется акцентными типами членов словосложения и производится по следующей схеме (см. табл. 2).

Таблица 2

Акц. тип 2-го члена / Акц. тип 1-го члена	Акц. тип I	Акц. тип II
Акц. тип I	акц. тип I	акц. тип III (неподвижный)
Акц. тип II	акц. тип I	акц. тип II

Приводимые ниже примеры расположены по акцентным типам первого и второго членов словосложения.

(1) Порядок I + I (→ I) (оба члена словосложения относятся к акц. типу I — словосложение получает акц. тип I):

1. *a-hā.žə* 'свинина' (*a-hoá* 'свинья', *a-žə* 'мясо'); 2. *a-čəə.trá* 'конюшня' (*a-čəə* 'лошадь', *a-trá* 'вместилище, гнездо'); 3. *a-šə.trá* 'склад проса, помещение, где укладывают просо' (*a-šə* 'просо', *a-trá* 'вместилище, гнездо'); 4. *a-čəə.a.žə* 'слюна' (букв. 'вода рта'; *a-čəə* 'рот', *a-žə* 'вода', по-видимому, с инкорпорацией члена *a-* перед вторым членом словосложения); 5. *a-ra.coá* 'кора орехового дерева' (*a-rá* 'орех', *a-coá* 'кожа'); 6. *a-ča.čəá* 'свежий хлеб' (*a-ča* 'хлеб', *a-čəá* 'молодой, новый'); 7. *a-bā.psə* 'худой, дурной, порочный, лукавый' (*a-bā* 'гнилой', *a-psə* 'душа'); 8. *a-xa.xə* 'волосы' (букв. 'головная шерсть'; *a-xə* 'голова', *a-xə* 'волосы, шерсть'; по-видимому, с инкорпорацией члена *a-* перед вторым членом словосложения); 9. *a-xa.coá* 'кожа головы' (*a-xə* 'голова', *a-coá* 'кожа', по-видимому, с инкорпорацией члена *a-* перед вторым членом словосложения); 10. *a-waə.pə* 'человек' («человекодуша», при исчислении подушно *a-wa* *ə* *ə* 'человек', *a-pə* 'душа'); 11. *a-čəə.xə.čə* 'лошадка' (*a-čəə* 'лошадь', *a-xə.čə* 'маленький, небольшой'); 12. *a-žə.γə* 'быстрая, стремительная вода' (*a-žə* 'вода', *a-γə* 'быстрый, стремительный'); 13. *a-žə.čə* 'минеральная вода' (букв. 'кислая вода'; *a-žə* 'вода', *a-čə* 'кислый'); 14. *a-px.žə* 'пот' (букв. 'вода тепла', ср. *a-px.a.γá* 'теплота' и *a-žə* 'вода') и под.

Примечание. Ряд старых сложений, в которых оба члена относятся к акц. типу I и оба члена имели гласный -ə-, обнаруживает ретракцию ударения на первый член, в связи с чем словосложение переходит в акц. тип III (неподвижный): 1. *a-ħə.ə.žə* 'курятина' (*a-ħə.ə.žə* 'курица', *a-žə* 'мясо'); 2. *a-žə.ħə.ə.ə* 'дикая утка' (букв. 'водяная курица'; *a-žə* 'вода', *a-ħə.ə.ə* 'курица'); 3. *a-čəə.xə* 'конский волос, струна' (*a-čəə* 'лошадь', *a-xə* 'волос, шерсть'), в последнем случае, однако, зафиксирован и нормальный акц. тип I словосложения: *a-čəə.xə.ə* 'конский волос, струна', еднч. фм. *čəə.xə.ə-ħ*, мн.ч. *a-čəə.xə-ħoá*. К этим же осложненным случаям, вероятно, относятся и два сложения с основой *w(a).ə.ə* 'человек': 4. *a-čəə.ə.ə* 'человек с лошадью, конный' (*a-čəə* 'лошадь', *a-w(a).ə.ə* 'человек'); 5. *a-mxə.ə.ə* 'земледелец, работник на пашне' (*a-mxə* 'нива, засеянное поле, пашня', *a-w(a).ə.ə* 'человек'). Возможно, следы этой ретракции наблюдаются и в других частях системы языка (ср. ниже ударение каузативов).

(2) Порядок I + II (→ III) (первый член словосложения относится к акц. типу I, второй член — к акц. типу II — словосложение получает акц. тип III, т.е. неподвижное ударение, фиксированное на первом члене словосложения):

1. *a-dəə.bga* 'лисица' (букв. 'полевой шакал'; *a-dəə* 'поле, двор', *á-bga* 'шакал, лисица'); 2. *a-coə.mza* 'свеча' (букв. 'восковая лучина'; *a-coá* 'воск', *á-mza* 'сосна, лучина'); 3. *a-ho.á.pə* 'боров, самец свиньи' (*a-hoá* 'свинья', *á-pə* 'мужчина, мужского пола'); 4. *a-dəə.γba* 'поезд' (букв. 'полевой пароход'; *a-dəə* 'поле, двор', *á-γba* 'судно, пароход'); 5. *a-təə.bga* — род шакала (*a-təə* 'сова', *á-bga* 'шакал'); *a-čá.ħə.ə.ə* 'хлебное тесто' (*a-čá* 'хлеб', *á-ħə.ə.ə* 'месиво'); 7. *a-ħə.ə.ə.ə* 'петух' (*a-ħə.ə.ə* 'курица', *á-rba* 'петух, птица-самец', еднч. фм. *arba-ħ*, мн.ч. *arba-ħoá*, слово с вокалическим началом, поэтому член *a-*, сливаясь с начальным гласным, обнаруживается лишь акцентологически); 8. *a-(a)jxá.bla* 'отверстие для топорща' (букв. 'глаз топора'; *a-(a)jxá* 'железо, топор', *á-bla* 'глаз'); 9. *a-coá.matə* 'одежда' (*a-coá* 'кожа', *á-matə* 'предметы, вещи'); 10. *a-ə.ə.ə.matə* 'хозяйственные, домашние, кухонные предметы' (*a-ə.ə.ə* 'дом', *á-matə* 'вещи, предметы'); 11. *a-čəə.matə* 'сбруя' (*a-čəə* 'лошадь', *á-matə* 'вещи, предметы'); 12. *a-hoá.taqa* 'рослый кабан (с клыками)', 'старая свинья' (*a-hoá* 'свинья', *á-taqa* 'старый (о животных)'); 13. *a-(a)jxá.tə.ə* 'железная дорога' (*a-(a)jxá* 'железо', *á-tə.ə* 'дорога'); 14. *a-*

wa $\acute{w}\acute{o}\acute{s}$ *co* *g'a* 'плохой, злой человек' (*a-wa* $\acute{w}\acute{o}\acute{s}$ 'человек', *a-* *co* *g'a* 'плохой, злой'); 15. *a-x* \acute{a} *b* \acute{z} *a* 'половина головы, почетный кусок мяса' (*a-x* \acute{a} 'голова', *a-b* \acute{z} *a* 'половина'); 16. *a-x* \acute{a} *mca* 'верхний костер пастухов' (букв. 'верхний, головной огонь'; *a-x* \acute{a} 'голова', *a-mca* 'огонь'); 17. *a-* $\acute{w}\acute{o}\acute{s}$ *ž* *bara* 'крепкое вино' (*a-* $\acute{w}\acute{o}\acute{s}$ 'вино', *a-ž* *bara* 'добрый, смелый, шустрый, стремительный'); 18. *a-bz* \acute{a} *lasa* 'шерсть (второй стрижки, когда сгоняют с гор)' (букв. 'живая', т.е. 'свежая' шерсть'; *a-bz* \acute{a} 'живой', *a-lasa* 'шерсть'); 19. *a-x* \acute{s} \acute{b} $\acute{w}\acute{o}\acute{s}$ 'мозг' (букв. 'кость ума'?), так толкует Н.Я. Марр (М. 159), ср. *a-x* \acute{s} \acute{w} 'ум', *a-ba* \acute{c} 'кость'; 20. *a-h* \acute{a} *n* 'свинья-самка' (*a-h* \acute{a} 'свинья', *án*, т.е. *a-(a)n* 'мать', еднч. *an-k* \acute{a} ; мн.ч. *án-coa*, т.е. *a-(a)n-coa*, с латентным из-за вокалического начала членом); 21. *a-* \acute{c} \acute{a} *n* 'кобыла' (букв. 'лошадь-мать'; *a-* \acute{c} \acute{a} 'лошадь', *a-(a)n* 'мать'); 22. *a-* \acute{c} \acute{a} *b* 'мерин' (замечание Н.Я. Марра: «Затем р.г. спохватились и заявили, что слово употребительно в выражении *a-* \acute{c} \acute{a} *n*, *a-* \acute{c} \acute{a} *b* 'самка, самец', причем *x* \acute{z} заметил: «Это говорится при рождении, чтобы указать, родился ли самец или самка» (М. 106); сложение того же типа, что и предшествующее: *a-* \acute{c} \acute{a} 'лошадь', *a-(a)b* 'отец', с латентным из-за вокалического начала членом); 23. *a-k* \acute{o} *t* \acute{c} 'клюв' (букв. 'зуб курицы'; *a-k* \acute{o} *t* 'курица', *a-c* 'зуб'); 24. *a-* \acute{c} \acute{a} *c* \acute{o} 'самец-олень' (*a-* \acute{c} \acute{a} 'олень', *a-c* \acute{o} 'бык'); 25. *a-* \acute{c} \acute{a} *ž* \acute{o} 'самка-олень' (*a-* \acute{c} \acute{a} 'олень', *a-ž* \acute{o} 'корова'); 26. *a-x* \acute{a} *s* \acute{o} 'окно, старинное маленькое окно для высывания головы' (букв. 'головная дверь'; *a-x* \acute{a} 'голова', *a-s* \acute{o} 'дверь'); 27. *a-* \acute{c} \acute{a} *š* \acute{o} 'сырник, пирог с сыром' (*a-* \acute{c} \acute{a} 'хлеб', *a-(a)š* \acute{o} 'сыр', с латентным из-за вокалического начала членом, ср. еднч. фм. *aš* \acute{o} *k*, мн.ч. *aš* \acute{o} *k* \acute{o} *a*, т.е. *a-(a)š* \acute{o} *k* \acute{o} *a*); 28. *a-* \acute{c} \acute{a} *ž* 'печенье в роде плоских пышек' (*a-* \acute{c} \acute{a} 'хлеб' + *a-(a)ž* — печенье того же типа, слово с вокалическим началом и латентным из-за этого членом, ср. еднч. фм. *až* \acute{a} *k*, мн.ч. *až* \acute{a} *k* \acute{o} *a*, т.е. *a-(a)ž* \acute{a} *k* \acute{o} *a*, сомнительна предполагаемая Н.Я. Марром связь с глаголом *a-ž* \acute{a} 'жарить'); 29. *a-* \acute{z} \acute{x} 'холодная вода, родник' (*a-* \acute{z} 'вода', *a-x \acute{x} , последний засвидетельствован лишь в осложненном виде: *a-x* *ita* 'холодный'); 30. *a-g* \acute{o} \acute{a} *š* \acute{o} 'ворота' (букв. 'дверь двора или забора'; первая часть **g* \acute{o} *a* — в ряде исторически производных основ: *a-g* \acute{o} \acute{a} *g* 'забор, часток' (М. 32; Дж. 80), *a-g* \acute{o} \acute{a} *ra* 'ограда' (Дж. 80), *a-g* \acute{o} \acute{a} *n* *p* 'двор' (М. 32), бз. *a-g* \acute{o} \acute{a} *ra* *ta* 'ограда, скотный двор, стоянка скота' (Бг. 229), — их ударение позволяет предполагать (+)-валентность этого корня, второй член — *a-š* \acute{o} 'дверь', к этимологии см. Шагириов I, с. 212–213, № 646), и под.*

(3) Порядок II + I (\rightarrow I) (первый член относится к акц. типу II, второй член к акц. типу I — словосложение получает акц. тип I, т.е. основа сложения может рассматриваться как характеризующаяся общей (+)-валентностью):

1. *a-b* \acute{a} *n* \acute{c} \acute{z} \acute{a} 'самка оленя' (букв. 'лесная олениха'; *a-b* \acute{a} *n* 'лес', *a-* \acute{c} \acute{z} \acute{a} 'олениха'); 2. *a-b* \acute{a} *n* \acute{h} \acute{o} \acute{a} 'кабан' (букв. 'лесная свинья'; *a-b* \acute{a} *n* \acute{h} \acute{o} \acute{a} 'лес', *a-h \acute{o} \acute{a} 'свинья'); 3. *a-b* \acute{a} *n* \acute{k} \acute{o} \acute{t} \acute{z} 'куропатка' (букв. 'лесная курица'; *a-b* \acute{a} *n* \acute{k} \acute{o} \acute{t} \acute{z} 'лес', *a-k \acute{o} \acute{t} \acute{z} 'курица'); 4. *a-b* \acute{a} *n* \acute{c} \acute{o} \acute{a} 'дикое яблоко' (букв. 'лесное яблоко'; *a-b* \acute{a} *n* \acute{c} \acute{o} \acute{a} 'лес', *a-c* \acute{o} \acute{a} 'яблоко'); 5. *a-b* \acute{a} *n* \acute{w} \acute{a} \acute{w} $\acute{o}\acute{s}$ \acute{a} 'леший' (букв. 'лесной человек'; *a-b* \acute{a} *n* \acute{w} \acute{a} \acute{w} $\acute{o}\acute{s}$ 'лес', *a-w \acute{a} \acute{w} $\acute{o}\acute{s}$ 'человек'); 6. *a-b* \acute{a} *n* \acute{r} \acute{a} *s \acute{a} 'лесной орех' (*a-b* \acute{a} *n* \acute{r} \acute{a} *s \acute{a} 'лес', *a-r \acute{a} *s \acute{a} 'мелкий орех'); 7. *a-* \acute{y} \acute{e} \acute{z} \acute{z} 'капля воды' (*a-* \acute{y} \acute{e} 'капля', *a-z \acute{z} 'вода'); 8. *a-c* \acute{a} \acute{z} \acute{z} 'вода сычуга' (*a-c* \acute{a} \acute{z} \acute{z} 'сычуг', *a-z \acute{z} 'вода'); 9. *a-b* \acute{g} \acute{a} \acute{x} \acute{o} \acute{c} \acute{z} 'шакал, лиса' (букв. 'маленький шакал'; *a-b* \acute{g} \acute{a} 'шакал, лиса', *a-x \acute{o} \acute{c} \acute{z} 'маленький'); 10. *a-b* \acute{g} \acute{a} \acute{d} \acute{u} 'волк' (букв. 'большой шакал'; *a-b* \acute{g} \acute{a} 'шакал, лиса', *a-d \acute{u} 'большой', в последнем слове, возможно, просто неподвижный акц. тип III, но для нашего рассмотрения это не имеет существенного значения); 11. *a-x* \acute{e} \acute{z} \acute{c} \acute{o} \acute{s} 'кислое молоко' (ср. *a-x* \acute{e} \acute{z} 'остаток молока по изготовлению сыра', *a-c* \acute{o} \acute{c} \acute{o} \acute{s} 'кислый'); 12. *a-* \acute{s} \acute{a} *t* \acute{a} \acute{g} \acute{o} \acute{s} 'сердце корня' (так М. 97; 'сердцевина корня') (*a-* \acute{s} \acute{a} *t* \acute{a} 'корень', *a-g \acute{o} \acute{s} 'сердце, середина'), и под.************

(4) Порядок II + II (\rightarrow II) (оба члена словосложения относятся к акц. типу II — словосложение получает акц. тип II):

1. *a-m* \acute{c} \acute{a} *bz* 'пламя' (букв. 'язык огня'; *a-m* \acute{c} \acute{a} 'огонь', *a-bz* 'язык'); 2. *a-m* \acute{c} \acute{a} \acute{y} *ba* 'пароход' (букв. 'огненное судно'; *a-m* \acute{c} \acute{a} 'огонь', *a-y* *ba* 'корабль, судно'); 3. *a-p* \acute{r} \acute{a} \acute{y} *ba* 'парусное судно' (*a-p* \acute{r} \acute{a} 'парус', *a-y* *ba* 'судно'); 4. *a-b* \acute{a} *n* \acute{c} \acute{o} 'олень-самец' (букв. 'лесной бык'; *a-b* \acute{a} *n* 'лес', *a-c* \acute{o} 'бык'); 5. *a-c* \acute{o} *m* \acute{c} 'овод' (букв. 'бычья муха'; *a-c* \acute{o} 'бык', *a-m* \acute{c} 'муха'); 6. *a-c* \acute{o} *m* \acute{a} *q* *a* 'рослый бык' (*a-c* \acute{o} 'бык', *a-m* \acute{a} *q* *a* 'старый (о животных), большой, взрослый'); 7. *a-ž* \acute{m} \acute{a} *b* 'козел' (*a-ž* \acute{m} \acute{a} 'коза', *a-(a)b* 'отец', 'самец (в составе названий животных)', из-за вокалического начала с латентным членом); 8. *a-ž* \acute{m} \acute{a} \acute{y} \acute{r} 'самец' (собственно: 'козел, самец козы'; *a-ž* \acute{m} \acute{a} 'коза', *a-y* \acute{r} \acute{a} 'самец'; по толкованию Н.С. Джанашиа 'семя', см. М. 90; ср. *a-y* \acute{r} \acute{a} *ra* 'всходы', М. 90); 9. *a-(a)* *r* *ba* \acute{y} \acute{r} (еднч. фм. *ar* \acute{b} \acute{a} \acute{y} \acute{r} \acute{k} , мн.ч. *ar* \acute{b} \acute{a} \acute{y} \acute{r} \acute{k} \acute{o} \acute{a} , т.е. *a-(a)* *r* *ba* \acute{y} \acute{r} \acute{k} \acute{o} \acute{a}) 'птица-самец, петух' (*a-(a)* *r* *ba* 'петух', *a-y* \acute{r} \acute{a} 'самец, семя', см. выше); 10. *a-c* \acute{o} \acute{a} \acute{y} \acute{r} 'нехолощеный бык, бугай' (*a-c* \acute{o} 'бык', *a-y* \acute{r} \acute{a} 'самец', после первого члена сложения, возможно, вторично инкорпорирован артикль *a-*; ср. форму мн.ч. *a-c* \acute{o} \acute{y} \acute{r} \acute{a} -

к^оа без -а-); 11. *á-mw^oa. c^og^a* 'тяжелая дорога' (*á-mw^oa* 'дорога', *á-c^og^a* 'плохой, злой'); 12. *á-mš^o. c^og^a* 'нечастье, плохая погода' (*á-mš^o*, *á-mš^o* 'день', *á-c^og^a* 'плохой, злой'); 13. *á-clah^o* 'изогнутое дерево' (*á-cla* 'дерево', *á-h^o* 'согнутый'); 14. *á-bla.čar* 'зоркий, остроглазый' (*á-bla* 'глаз', *á-čar* 'острый'); 15. *á-cxa.maž^oa* 'тесто, пшеничное или ячменное, приправленное медом' (*á-cxa* 'мед', *á-maž^oa* 'тесто'); 16. *á-bna.mat^oax^o* 'лес, лесной материал' (*á-bna* 'лес', *á-mat^oax^o* 'материал'); 17. *á-daž^o* 'старая лягушка, жаба' (ср. *á-day^o* 'лягушка', *á-ž^o* 'старый'); 18. *á-(a)bž.ž^o* 'старый самец' (*á-(a)b* 'отец', 'самец (в названиях животных)', *á-ž^o* 'старый'); 19. *á-(a)n.ša* 'брат матери' (ср.: *á-(a)n* 'мать', *á-jaša* 'брат'); 20. *á-š^owa.bga* – род шакала (ср.: *á-š^owa* 'абазинец, абазинский', *á-bga* 'шакал, лиса'), и под.

Очевидно, что разобранный система акцентовки словосложений теснейшим образом связана с системой акцентуационных валентностей, которая устанавливается выше в результате анализа движения акцента в акцентных парадигмах и фразовом окружении. Действительно, в трех порядках из четырех: (1), (2) и (4), – мы имеем расстановку акцента, соответствующую введенному выше контурному правилу: (1) порядок I + I – *q-h^oq.žž^o* 'свинина' (ср. *q-h^oá* и *q-žž^o*); (2) порядок I + II – *q-d^oq.bga* 'лисица' (ср. *q-d^oá* и *q-bga*); (4) порядок II + II – *q-mca.bzž* (< **q-mca.bzž*, ср. *q-mca* и *q-bžž* < **q-bžž*). Лишь в (3) порядке II + I – *q-bžž.čž^oá* 'самка оленя' (ср. *q-bna* и *q-čž^oá*) расстановка акцента не соответствует введенному выше правилу (см. с. 12 и табл. 1): этот порядок акцентуется так, как если бы первый член словосложения имел (+)-валентность, а не (-)-валентность; происходит как бы «ассимиляция» валентности первого члена валентностью второго. Характерно, что этим «процессом» охвачена лишь часть словосложений 3-го порядка, относящаяся к устойчивой части словарного фонда и поэтому попавшая в словари Н.Я. Марра (М.) и Б.Н. Джанашиа (Дж.).

Большое количество узуальных словосложений, фиксируемое акцентованными диалектными текстами, за пределами отмеченной группы, показывает акцентовку согласующуюся с контурным правилом:

1. *q-mš^o.c^oá* 'медвежья шкура' (D. VII, 15, 29, 40, 79); 2. *q-sžs. -tžphq* 'девушка-гостья' (D. V, 88); 3. *ržž.štá. bžž* 'звук их шагов' (D. VI, 112); 4. *q-š^odžw* 'большая дверь' (D. IX, 24, bis, 43, 54); 5. *q-rxa-džw* 'большое поле' (D. VII, 59); 6. *q-mac'a.wyž^o-c^oa* 'слуги' (D. VI, 59; но ср. *h^o-mac'a.wyž^o-gžž* 'и наша служанка' D. IX, 65, где ударение стоит так, как если бы первый член словосложения *mac'a* имел

(+)-валентность); 7. *q-džwž^oa.čžž^o* 'на другой день' (Ц. 314–15), ср. *q-čžž* '(этот) день' (D. VI, 66, X, 42), *čžž-la-gžž* 'и днем' (D. VI, 112); 8. *q-žž^oa.bžž-gžž* 'и слово' (Ц. 312, букв. 'слово-звук'). Несколько таких словосложений отмечается и в словарях М. и Дж.: 9. *áb.džw* 'дед', т.е. *q-(a)b.džw*, букв. 'большой отец'; 10. *án.džw* 'бабушка', т.е. *q-(a)n.džw*, букв. 'большая мать'; 11. *q-mž^o.čžž^oa* 'молодой месяц' (*q-mž^o* 'луна, месяц', *q-čžž^o* 'молодой, новый'); 12. *q-bna.čžž^o* 'мелколесье' (букв. 'молодой лес'; *q-bna* 'лес', *q-čžž^o* 'молодой, новый'); 13. *q-ga.wažž^o* 'прибрежный житель' (Дж.; *q-ga* 'берег', *a-wažž^o* 'человек'); 14. *q-žž^o.tra* 'хлев, коровник' (*q-žž^o* 'корова', *a-trá* 'вместилище'); 15. *q-žž^o.xžž^o* 'дойная корова' (ср. *q-žž^o* 'корова', *q-xžž^o* 'доить, доение').

Таким образом, порядок II + I, см. (3), строго должен быть описан как состоящий из двух подразделений: (а) словосложения с «ассимиляцией» валентности первого члена валентностью второго – класс, включающий в большинстве старые, частично деэтимологизированные, образования; (б) словосложения, в которых ударение достаточно строго следует контурному правилу, – класс включающий наряду со старыми словосложениями практически неограниченный ряд узуальных словосложений порядка II + I. Такое распределение материала, по-видимому, должно указывать на то, что в подразделении (а) мы имеем дело с результатом какого-то позиционного фонетического процесса, прошедшего тогда, когда в языке еще существовали фонологические реалии, морфологическим отражением которых являются акцентуационные валентности (ср. ниже).

Специальный интерес представляет порядок I + II, см. (2), так как в словосложениях этого порядка появляется акцентный тип III (неподвижный). Здесь наблюдается два вида основ: двусложные – с ударением на первом слоге (*a-džž-bga*), и односложные – с закрытым слогом (*a-kžž.c*). Второй вид возник из-за падения гласного -žž конечного члена сложения. Неподвижность акцента в обоих видах сложений обусловлена тем, что конечный член сложения имеет акцентуационную (-)-валентность, образующую границу доминантной платформы (+)-валентностей, которая составляется из (+)-валентности предшествующего члена сложения и (+)-валентностей определенного члена или притяжательных префиксов словоформы. Конечное ударение на этой платформе, т.е. ударение на первом члене сложения, предписывается контурным правилом. Таким образом, причина неподвижности акцента в сложениях обоих видов не фонологическая, а чисто мор-

фонологическая. Этот вывод можно, по-видимому, распространить на все основы акцентного типа III.

подавляющее большинство исконных абхазских основ акцентного типа III это — дезтимологизованные словосложения и к ним данный вывод приложим без какого-либо изменения введенных выше понятий. Но, очевидно, существует группа исконно абхазских (соответственно, западнокавказских, северокавказских) основ, которые, будучи первично двусложными, не являлись словосложениями или производными, и тем не менее относятся к акцентному типу III (неподвижному). С производными основами акцентного типа III их объединяют акцентовка и сходство слогового состава: это или двусложные основы с ударением на первом слоге или односложные основы с закрытым слогом (второй тип основ возник, очевидно, в результате падения конечного -ə второго слога).

Это сопоставление показывает, что акцентуационные валентности, которые были введены как морфонологические характеристики морфем, следует непосредственно связывать со слогами этих морфем. В этом случае при двуслововом составе корневой морфемы возможны четыре сочетания валентностей: (1) ++ (= +), (2) -- (= -), (3) + - (= III акц. тип) и (4) - +, которое в каких-то условиях претерпевало ассимиляцию - + > ++, а при сохранении в акцентно-морфонологическом отношении так мало отличалось от сочетания - -, что, по-видимому, в имени должно было совпасть с последним. Представителями сочетания (3) слоговых акцентуационных валентностей и являются абхазские основы типа: 1. $\underset{+}{a}-\underset{+}{z}\underset{+}{q}\underset{+}{k}\underset{-}{a}$ 'борода'; 2. $\underset{+}{a}-\underset{+}{k}\underset{+}{q}\underset{+}{p}\underset{-}{a}$ 'курдюк'; 3. $\underset{+}{a}-\underset{+}{q}\underset{+}{q}\underset{+}{s}\underset{-}{a}$ 'кинжал'; 4. $\underset{+}{a}-\underset{+}{h}\underset{+}{o}\underset{+}{n}\underset{-}{a}$ 'мышь, крыса' (в абх. $a-h\underset{+}{o}\underset{+}{n}\underset{-}{a}p$); 5. $\underset{+}{a}-\underset{+}{g}\underset{+}{o}\underset{+}{z}\underset{-}{r}$ (< $\underset{+}{a}-\underset{+}{g}\underset{+}{o}\underset{+}{z}\underset{-}{r}$) 'иголка'; 6. $\underset{+}{a}-\underset{+}{k}\underset{+}{a}\underset{-}{l}$ (< $\underset{+}{a}-\underset{+}{k}\underset{+}{a}\underset{-}{l}$) 'шалаш'; 7. $\underset{+}{a}-\underset{+}{q}\underset{+}{o}\underset{+}{s}\underset{-}{r}$ (< $\underset{+}{a}-\underset{+}{g}\underset{+}{o}\underset{+}{s}\underset{-}{r}$) 'умный', и под.

Приведенный способ описания системы ударения полностью применим и к ударению глагола. Здесь, однако, наблюдается ряд усложнений, связанных с меной акцентуационных валентностей у классовых показателей и (реже) у других морфем в позициях, первичный характер которых на настоящем уровне исследования не удастся выявить и поэтому сами эти позиции приходится приводить или списком или указанием на морфологический характер морфемы, образующей позицию.

Классно-личные показатели в глаголе образуют два ряда: 1. ряд «d» (служат показателями субъекта в непереходном глаголе и объекта

в переходном): ед.ч. — 1-е л. $s(\partial)$ -, 2-е л. м.р. $w(\partial)$ -, ж.р. $b(\partial)$ -, 3-е л. личн. $d(\partial)$ -, неличн. $j(\partial)$ -; мн.ч. — 1-е л. $h(\partial)$ -, 2-е л. $\check{s}^o(\partial)$ -, 3-е л. $j(\partial)$ -, к этому же ряду принадлежит относительный префикс $j(\partial)$ -; 2. ряд «l» (служат показателями субъекта в переходном глаголе и показателями косвенного объекта): ед.ч. — 1-е л. $s(\partial)$ -, 2-е л. м.р. $w(\partial)$ -, ж.р. $b(\partial)$ -, 3-е л. м.р. $j(\partial)$ -, ж.р. $l(\partial)$ -, неличн. a -; мн.ч. — 1-е л. ha -, ah -, 2-е л. $\check{s}^o(\partial)$ -, 3-е л. $r(\partial)$, к этому же ряду принадлежит относительный префикс $z(\partial)$ -.

Акцентуационная валентность абхазского глагольного корня, по-видимому, наиболее четко проявляется в ударении масдара. Приняв это, мы должны будем для объяснения ударения личных форм ввести следующие положения:

1. Показатели косвенного объекта (l-ряд) имеют (+)-валентность (так же, как притяжательные префиксы в имени). Исключение составляет относительный префикс $z(\partial)$ -, который и в этой своей функции, как и в функции притяжательного префикса сохраняет (-)-валентность.

2. Показатели субъекта переходного глагола (l-ряд) имеют (-)-валентность, кроме показателя 3-го л. ед.ч. неличн. a -, который имеет (+)-валентность. Эту свою (первичную) акцентуационную валентность они могут изменить в ряде случаев, которые приходится специально оговаривать, а также в каузативах, в которых показатели субъекта, в том числе и показатель 3-го л. ед.ч. неличн. a -, меняют свою валентность на противоположную. Чередованию валентностей, по-видимому, не подвержен относительный префикс $z(\partial)$ -, который сохраняет (-)-валентность.

3. Наиболее сложно акцентуационное поведение показателей d-ряда.

Сразу же оговоримся, что относительный префикс $j(\partial)$ имеет всегда (+)-валентность, и тем исключим его из дальнейшего рассмотрения. Остальные показатели d-ряда в бесприставочном глаголе в позиции непосредственно перед корнем, т.е. в функции субъекта непереходного глагола, могут нести на себе ударение, если корень имеет (-)-валентность, определяемую по ударению масдара и инфинитивных форм, в функции же объекта переходного глагола, т.е. будучи отделены от корня показателем субъекта, имеющим (-)-валентность, они в бесприставочном глаголе ударными никогда не бывают. В приставочных глаголах как в функции субъекта непереходного глагола, так и в функции объекта переходного глагола в позиции непосредственно перед приставкой, имеющей (-)-валентность (в переходном глаголе в приставочной основе показатель субъекта инфигируется между приставкой и корнем) показатели d-ряда обычно получают ударение.

Можно было бы принять, что в бесприставочном глаголе сохраняется различие между двумя категориями показателей *d*-ряда: субъектных с (+)-валентностью и объектных с (-)-валентностью, — тогда как в приставочных глаголах обе эти категории вторично совпадают в результате генерализации (+)-валентности, однако более тщательное рассмотрение материала заставляет отказаться от такого толкования. Имеется довольно большое число непереходных бесприставочных глаголов с корнем, показывающим (-)-валентность по ударению масдара и инфинитивных форм, в которых, однако, субъектные показатели *d*-ряда безударны; безударными они являются также в статических глаголах, в тех случаях когда основами их служат именные корни (-)-валентности. Такое распределение приводит к выводу, что первичной валентностью показателей *d*-ряда (по крайней мере, в синхронном описании) должна быть признана (-)-валентность, а (+)-валентность они получают в позиции непосредственного предшествования определенным глагольным корням и определенным превербам (оба класса морфем, по-видимому, должны задаваться списком).

Ниже приводится материал, демонстрирующий эти положения.

СТАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ

Статические глаголы по количеству классово-личных показателей удобно разделить на две группы:

I. Формы с показателем субъекта;

II. Формы с показателями субъекта и косвенного объекта (при отыменных стативах вторым является притяжательный префикс).

Так как статические глаголы все непереходные и порядок расположения показателей: субъектный + объектный + основа, — сложный характер основы существенно не отражается на акцентовке и им можно пренебречь.

I. Стативы с показателями субъекта

(а) Отыменные стативы, по-видимому, всегда сохраняют (-)-валентность субъектных показателей и поэтому имеют в формах субъектного спряжения единообразную акцентовку, не зависящую от валентности корня.

1) Корни с (-)-валентностью: 1. *d.rəxʔə:wp* (D. XI, 26, 66) 'он скот' (*d-rəxʔ* 'скот'); 2. *jəx'tá:wp* 'холодно' (*d-x'tá* 'холод'); 3. *jəx'á:wp* 'сладок' (*d-x'á* 'сладкий'); 4. *dəx'antá:wp* 'беременна' (*d-x'anta* 'тяжелый'); 5. *y.əwə:wp* 'с' est long' (D. IX, 44, Comm.) < **yə.əwə:wp*

(*áw* 'длинный', т.е. *á-(a)w* < **á-awə*; *yəww* M.2^b 'длинный', букв. 'который длинный' M.2^b < **yə.əwə:w*; *yawəw* PAOC 17 < **yə.əwə:w*, дееприч., т.е. 'это длинное будущее'); 6. *y.maryá:wp* 'это легко' (D.VII, 46; ср. *d-marya* 'дешевый, легкий'); 7. *jə.racʔá:wp* 'много', прош. *jə.racʔá:n* 'много было' (ср. *d-racʔa* 'много'), и под.

2) Корни с (+)-валентностью: 1. *w.səyʔə:wp* 'ты трус' (D.X, 64) (*q-səyʔə* 'трус'); 2. *s.pá:wp* 'я тонок' (*a-pá* 'тонкий'); 3. *sə.yʔə:wp* 'я крепок' (*q-yʔə* 'крепкий'); 4. *sə.pšə:wp* 'я красив' (*a-pšə* 'красивый'); 5. *s.rəčha:wp* 'je suis malheureux' (D.I, 8, Comm.; ср. *a-rəčha* 'бедный' M.71^a), и под.

(б) Стативы с собственно статическими основами и превербами-основами. Как правило, в этой группе (-)-валентность субъектных показателей *d*-ряда меняется на (+)-валентность и эти формы при корнях с (-)-валентностью получают ударение на субъектном показателе.

1) Корни с (-)-валентностью: 1. *də.cʔa:wp* 'он(а) спит' (*d-cʔa.rə* 'спать, засыпать'); 2. *də.jə:wp* 'он(а) погиб(ла), исчез(ла)' (*d-jə.rə* 'погибать, исчезать'); 3. *də.gə:wp* 'он(а) есть' (прич. прош. *jə.gə:z* 'который был', прич. наст. *jə.gə:w* 'сущий'); 4. *də.kə:wp* 'он(а) есть на чем-л.' (прич. прош. *jə.kə:z*, масдар *d-kə.za.rə*); 5. *də.čə:wp* 'он(а) находится под чем-л., покрыт(а) чем-л.' (ср. *d-čə* 'дно').

Аналогичная акцентовка появляется и в том случае, когда основа статического глагола представляет собой соединение статического корня с соответствующим превербом: 6. *sə.čə.jə:wp* 'я лежу под чем-л.'; 7. *sə.kə:wp* 'я сижу на чем-л.'; 8. *sə.lə.ʔə:wp* 'я сижу посреди чего-л.'; 9. *sə.čə.ʔə:wp* 'я сижу под чем-л.' (M.118^b) (относительно валентности корней *-ja-* и *-ʔə-* см. ниже).

2) Корни с (+)-валентностью: 1. *d.tə:wp* 'он(а) сидит' (*q-tə.rə* 'сидеть'); 2. *d.yə:wp* 'он(а) лежит' (*q-yə.rə* 'лежать'); 3. *d.ʔə:wp* 'он(а) пол(о)н(а), сыт(а)' (*a-ʔə.rə* 'полнота, быть полным, насыщаться'); 4. *d.kə:wp* 'он(а) задержан(а)' (*a-kə.rə* 'держатель, любить'); 5. *d.tə:wp* 'он(а) находится внутри чего-л.' (прич. наст. вр. *jə.tə:w* 'кто (у него) есть' = 'гость, гости, гостящие'); 6. *yə.yə:wp* 'с' est écrit' (D. IX, 26, Comm.) (*q-yə.rə* 'писать, писание'); 7. *sə.yə:wp* 'я готов' (D. V, 10, Comm.; ср. *a-rə.yə.rə* 'приготовить, приводить в порядок'); 8. *s.gə.lə:wp* 'я стою', ср. *a-gə.lə.rə* (Дж.90) 'вставать', *yə.š.gə.lə:z* 'что он(о) стоит' (D. IX, 33) и под.; неясно ударение масдара *a-gə.lə.rə* в M.33^b и PAOC 63.

Аналогично и в том случае, когда основа статического глагола представляет собой соединение корня с превербом (+)-валентности,

субъектный показатель остается безударным, а внутри основы ударение ставится согласно контурному правилу: 9. $s_{\pm}tq_{\pm}t^{\circ}q_{\pm}w_{\pm}$ 'я сижу в глубине'; 10. $d_{\pm}c^{\circ}h^{\circ}a_{\pm}t^{\circ}q_{\pm}w_{\pm}$ 'он сидит напротив' (ср. $q_{\pm}c^{\circ}h^{\circ}a_{\pm}t^{\circ}a_{\pm}r_{\pm}a_{\pm}$ 'садиться напротив'); 11. $j_{\pm}c^{\circ}h^{\circ}a_{\pm}g_{\pm}l_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'это стоит напротив' (ср. $q_{\pm}c^{\circ}h^{\circ}a_{\pm}g_{\pm}l_{\pm}a_{\pm}r_{\pm}a_{\pm}$ 'ставить напротив'); 12. $s_{\pm}t_{\pm}z_{\pm}w_{\pm}$ 'я свален' (ср. $q_{\pm}t_{\pm}z_{\pm}r_{\pm}a_{\pm}$ 'сваливаться, проваливаться').

Чисто морфологическое распределение основ, при которых происходит мена (-)-валентности классно-личных показателей на (+)-валентность, и основ, у которых такая мена отсутствует, по-видимому, не первично. Во всяком случае из стативов группы (b) можно привести корень, который при явной (-)-валентности начальной части не вызывает появления (+)-валентности у субъектных показателей: $s_{\pm}z_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я лежу', прош. $s_{\pm}z_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}n_{\pm}$; ср. $y_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'которая лежит' (D.VI, 11), $s_{\pm}z_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}z_{\pm}$ 'что (они) лежат' (D.V, 72), $d_{\pm}z_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}z_{\pm}$ 'он когда лежал' (D.II, 13), 'что он лежит' (D.IX, 35), ср. также поведение преверба $st_{\pm}a_{\pm}/st_{\pm}a_{\pm}$, на основании которого и устанавливается распределение валентностей в этом корне. Именно это обстоятельство препятствует механическому распространению плюсовой маркировки показателей субъекта в данной группе (b) на формы с (+)-валентностью корня. Поэтому мы употребляем в таких формах альтернативную маркировку \pm .

II. Стативы «субъектно-объектного спряжения»

(a) В отыменных стативах «объектный показатель» в сущности является притяжательным аффиксом имени и этим уже определяется его (+)-валентность.

1) Корни с (-)-валентностью:

1. $d_{\pm}sas_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'он(а) мне (моя) гость(я)' D.I, 37; ср. $q_{\pm}sas_{\pm}$ 'гость'; замечательно что показатель $-z(\partial)$ даже в подобной явно притяжательной функции сохраняет (-)-валентность: $d_{\pm}z_{\pm}sas_{\pm}z_{\pm}$ 'кого он гостем был' (D.XI, 28); 2. $(j)j_{\pm}x_{\pm}z_{\pm}w_{\pm}$ '(это) его имя (есть)' ($q_{\pm}x_{\pm}z_{\pm}$, $q_{\pm}x_{\pm}z_{\pm}$ 'имя, слава, похвала'); 3. $d_{\pm}sp_{\pm}k_{\pm}ol_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'он моего возраста, он мне ровестник' ($q_{\pm}k_{\pm}ol_{\pm}a_{\pm}$ 'ровестник, сверстник').

2) Корни с (+)-валентностью: 1. $d_{\pm}y_{\pm}p_{\pm}q_{\pm}w_{\pm}$ 'он его сын' (DGr. 29 (§ 28)); ср. $q_{\pm}p_{\pm}q_{\pm}$ 'сын'; 2. $j_{\pm}z_{\pm}t^{\circ}q_{\pm}w_{\pm}$ 'это моя собственность, это мне принадлежит' ($q_{\pm}t^{\circ}q_{\pm}$ 'собственность, принадлежность'); 3. $(y_{\pm})l_{\pm}r_{\pm}az_{\pm}q_{\pm}aw_{\pm}$ '(это) ее счастье (есть)' (D.VI, 39; ср. $q_{\pm}r_{\pm}az_{\pm}q_{\pm}$ 'счастье, судьба' D.VI, 55; $s_{\pm}r_{\pm}az_{\pm}q_{\pm}$ 'моя судьба, мое счастье' D.VI, 54).

Примечание. Такое отклонение от ожидаемого ударения, как $b_{\pm}s_{\pm}pha_{\pm}w_{\pm}$ 'ты мне дочь' (D.VI, 149; при $q_{\pm}ph_{\pm}q_{\pm}$ 'дочь') следует, по-видимому, рассматривать как архаизм, связанный со специфической аномальностью акцентного типа у данного корня: архаичность чередования валентностей при образовании множественного числа — ед.ч. $q_{\pm}ph_{\pm}q_{\pm}$ ~ мн.ч. $q_{\pm}pha_{\pm}c_{\pm}o_{\pm}$ — подтверждается не только наличием его в таком старом сложении как ед.ч. $q_{\pm}t_{\pm}p_{\pm}h_{\pm}q_{\pm}$ 'девица' ~ мн.ч. $q_{\pm}t_{\pm}p_{\pm}h_{\pm}a_{\pm}c_{\pm}o_{\pm}$, но имеет также внешнее соответствие в убыхском $q_{\pm}p_{\pm}x_{\pm}a_{\pm}$ 'дочь' ~ мн.ч. $y_{\pm}w_{\pm}p_{\pm}x_{\pm}a_{\pm}n_{\pm}q_{\pm}$ 'его дочери' (D₅.VI, 3), $s_{\pm}q_{\pm}p_{\pm}x_{\pm}a_{\pm}$ 'три дочери' (D₅.VI, 1).

(b) Независимо от того, как рассматривать «показатель косвенного объекта» при собственно статических основах и превербах-основах, как действительный формант косвенного объекта, управляемого основой, или как притяжательный префикс к первично именной основе (ни морфологически, ни акцентологически оба случая неразличимы), (+)-валентность этого показателя нужно считать, очевидно, первичной, и акцентовка в формах с ним строго подчиняется контурному правилу.

1) Корни с (-)-валентностью:

1. $j_{\pm}sas_{\pm}g_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я худой'; 'мне нехватает того' (ср. $w_{\pm}s_{\pm}g_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'ты мне недостаешь' D.II, 4, Comm.; $y_{\pm}s_{\pm}g_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я худой' D.II, 4 Comm.; $s_{\pm}g_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'мне нехватает' D.IX, 47; прич. $y_{\pm}w_{\pm}g_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'чего тебе нехватает' D.VI, 27, 38 и под.);

2. $d_{\pm}r_{\pm}q_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'он их преследует' (ср. $s_{\pm}q_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я преследую его (нелич.)' M.99^b; $s_{\pm}j_{\pm}st_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я преследую его (муж.)' M.52^a);

3. $s_{\pm}b_{\pm}c_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я с тобой (жен.) (есть)' (ср. $y_{\pm}c_{\pm}a_{\pm}z_{\pm}$ 'которые с ним' D.V, 99 = $(y)j_{\pm}c_{\pm}a_{\pm}z_{\pm}$ с относительным показателем $y(\partial)$, слившимся с показателем косвенного объекта);

4. $s_{\pm}b_{\pm}m_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я у тебя (жен.) есть, ты (жен.) меня имеешь' (ср. $d_{\pm}y_{\pm}m_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'он(а) у него (муж.) есть' D.XI, 4; $j_{\pm}s_{\pm}m_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я это имею, это у меня есть' M.55^b; $z_{\pm}m_{\pm}q_{\pm}$ 'которые имеют, у которых есть' D.I, 26 < $*z_{\pm}m_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$, замечательно, что и в этой группе показатель $z(\partial)$ в функции "косвенного объекта" сохраняет (-)-валентность);

5. $j_{\pm}sp_{\pm}k_{\pm}o_{\pm}w_{\pm}$ 'это на мне есть' (ср. $y_{\pm}k_{\pm}o_{\pm}w_{\pm}$ '(это) на нем есть' D.V, 51 = $(y)j_{\pm}k_{\pm}o_{\pm}w_{\pm}$);

6. $s_{\pm}q_{\pm}l_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'я в этом (нелич.) есть, в это вмешан, замешан, к этому причастен' (M.51^b; ср. прич. $y_{\pm}l_{\pm}a_{\pm}z_{\pm}$ 'который в это был замешан' M.51^b; $d_{\pm}s_{\pm}r_{\pm}l_{\pm}a_{\pm}m_{\pm}z_{\pm}$ 'что он среди них не был' D.V, 18; $s_{\pm}o_{\pm}z_{\pm}l_{\pm}a_{\pm}w_{\pm}$ 'во что зы замешаны' M.51^b, относительно валентности показателя $z(\partial)$ ср. 4).

Такое же ударение мы имеем и в случаях, когда основа статического глагола представляет собой соединение статического корня с превербом (-)-валентности.

7. $\underline{s.}\dot{q}:\underline{c}a.\dot{t}^oq:w$ 'я сижу под тем' (M.75^a);

8. $\underline{s.}\dot{q}:\underline{m}ca.\dot{t}^oq:w$ 'я сижу перед тем' (M.75^a);

9. $\underline{s.}\dot{q}:\underline{k}^o.j\dot{t}a:w$ 'я имею право над ним' (M.88^{a-b}); ср. там же: $\underline{j}\dot{a}:\underline{s}\dot{a}:\underline{k}^o.j\dot{t}a:w$ 'он, имеющий право надо мной', т.е. 'который имеет право надо мной'; $\underline{j}\dot{a}:\underline{w}\dot{a}:\underline{k}^o.j\dot{t}a:w$ 'он имеющий право над тобой'.

2) Корни с (+)-валентностью:

1. $\underline{d.}\dot{a}:\underline{c}\dot{a}:\dot{a}w$ 'он(а) этим занят(а), он(а) этим занимается' (ср. $\underline{s.}\dot{q}:\underline{c}\dot{a}:\dot{a}w$ 'я этим занят, занимаюсь' D.I, 21, Comm.; $\underline{h.}\dot{a}:\underline{c}\dot{a}:\dot{a}w$ 'мы этим заняты' D.VI, 10; $\underline{y.}\dot{s}\dot{a}:\underline{c}\dot{a}:\dot{z}$ 'когда они этим занимались' D.I, 21; масдар $\underline{q}:\underline{c}\dot{a}:\dot{a}w$ 'делать, совершать' M. 126^a);

2. $\underline{y.}\dot{s}\dot{a}:\underline{x}\dot{a}:\dot{a}w$ 'cela me suffit' (D.II, 43, Comm.; ср. там же масдар $\underline{q}:\underline{z}:\underline{x}\dot{a}:\dot{a}w$ 'suffire'; так же $\underline{a}:\underline{z}:\underline{x}\dot{a}:\dot{a}w$ 'достаточность' M.39^a, 135^b);

3. $\underline{s.}\dot{q}:\underline{p}\dot{s}\dot{a}:\dot{a}w$ 'я этого стою' (M.80^b); ср. масдар $\underline{q}:\underline{p}\dot{s}\dot{a}:\dot{a}w$ 'иметь стоимость, ценность' M.80^{a-b});

4. $\underline{y}\dot{a}:\underline{s}:\underline{s}^o\dot{a}:\dot{a}w$ '(le vêtement) est sur moi' (D. V, 96, Comm., т.е. 'это на мне (надето)'; ср. $(j).\underline{j}\dot{a}:\underline{s}^o\dot{a}:\dot{a}w$ 'на него надето (о платье)' M.103^b; $\underline{s}\dot{a}:\underline{s}^o\dot{a}:\dot{z}$ 'что на них надето', $\underline{q}:\underline{s}^o\dot{a}:\dot{a}w$ 'надевать', 1-е л. sg. praes. динамич. глагола $(j)\underline{j}\dot{a}:\underline{s}^o\dot{a}:\underline{s.}\dot{c}\dot{a}:\dot{w}:\underline{j}\dot{a}$ 'надеваю на кого-л. одежду' M.103^b - 104^a);

5. $\underline{d.}\dot{a}:\underline{j}\dot{a}:\underline{t}\dot{a}:\dot{a}w$ 'он у него находится' (M.39^b, ср. формы причастий: $\underline{j}\dot{a}:\underline{t}\dot{a}:\dot{a}w$ 'кто у нас есть' = 'гость(-ти)' = 'гостящие'; $\underline{h}\dot{a}:\underline{z}:\underline{t}\dot{a}:\dot{a}w$ 'у кого мы находимся, гостим' = 'хозяин'; о валентности показателя -z(ə) см. выше);

6. $\underline{j}\dot{a}:\underline{x}\dot{a}:\dot{a}w$ 'надето на нем (неличн.?)', $\underline{j.}\dot{a}:\underline{x}\dot{a}:\dot{a}w$ 'надето на нем (муж.?)' (M.136^a); ср. масдар динамического глагола $\underline{q}:\underline{x}\dot{a}:\underline{c}\dot{a}:\dot{a}w$ 'надевание, надевать' M.136^a);

7. $\underline{j}\dot{a}:\underline{s}\dot{k}\dot{a}:\dot{a}w$ 'я держу' = 'у меня держится' (глагол инверсивного строя, см. ГрАбхЯ с.101, для ударения см. Дж.150 *sub* /s-3^с 5/);

В соответствии с контурным правилом показатель косвенного объекта остается безударным при сложных основах, если непосредственно предшествует превербу с (+)-валентностью:

8. $\underline{j}\dot{a}:\underline{s.}\dot{c}\dot{a}:\dot{a}w$ 'у меня потерян(о)' (M.114^a; ср. масдары $\underline{q}:\underline{c}\dot{a}:\dot{a}w$ - $\underline{z.}\dot{a}$ 'потеря, теряние, терять' M.114^a, $\underline{q}:\underline{z.}\dot{a}$ 'пропадать' M.117^a, прич. $\underline{j}\dot{a}:\underline{s.}\dot{c}\dot{a}:\dot{z}$ 'которые я потерял', т.е. 'то, что у меня потеряно' M.114^a);

9. $\underline{j}\dot{a}:\underline{s}^o.\dot{q}\dot{a}:\underline{k}\dot{a}:\dot{a}w$ 'вы держите во рту, напомниме' (M.126^{a-b}); т.е. 'у вас во рту задержано это'; о специфическом контексте намек на память о каком-то поступке, в котором употребляется данный глагол, см. M.126^b);

10. $\underline{s}\dot{a}:\underline{w}\dot{a}:\underline{g}\dot{a}:\underline{l}\dot{a}:\dot{a}w$ 'я над тобой стою' (D. XI, 22, Comm.; ср. $\underline{d}\dot{a}:\underline{x}\dot{a}:\underline{g}\dot{a}:\underline{l}\dot{a}:\dot{n}$ 'она над ними стала (с целью обслуживать гостей, сидящих за столом)' D. XI, 22);

11. $\underline{s}\dot{a}:\underline{w}:\underline{z}\dot{a}:\underline{p}\dot{s}\dot{a}:\dot{a}w$ 'я жду тебя' (D. V, 64; букв. 'я для тебя смотрю'; ср. масдары $\underline{q}:\underline{p}\dot{s}\dot{a}:\dot{a}w$ 'смотреть', $\underline{q}:\underline{z}:\underline{p}\dot{s}\dot{a}:\dot{a}w$ 'ожидать' M.82^b);

12. $\underline{y}\dot{a}:\underline{r}:\underline{z}:\underline{a}\dot{p}\dot{a}:\dot{a}w$ 'это для них (у них) установлено' (M.76^a, для вычленения корня ср. прич. «обычный» - $\underline{u}\dot{a}\dot{y}\dot{u}$, $\underline{u}\dot{a}\dot{y}\dot{u}$ РАбхСл.377, т.е. $\underline{j}\dot{a}:\underline{r}\dot{a}:\dot{a}w$ 'которое установлено' и $\underline{j}\dot{a}:\underline{s}^o.\dot{a}\dot{p}\dot{a}:\dot{a}w$ 'то как (что) установлено').

Примечание. Имеются два статических глагола, акцентологическая специфика которых требует особого пояснения.

1. $\underline{s.}\dot{a}\dot{y}\dot{u}\dot{y}$ 'я есмь' ($\underline{s.}\dot{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{a}w$) рассматривается ГрАбхЯ (с.68, сн.1) как непреходный одноличный глагол с аномальным использованием показателей l-ряда в качестве показателей субъекта. Это утверждение в первой своей части, по-видимому, неверно или недостаточно точно. В инфинитивных формах при показателе субъекта относительном префиксе z(ə) может в качестве показателя предиката появляться классно-личный префикс d-ряда: 1-е л. ед. $\underline{s.}\dot{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\underline{w}\dot{y}^o\dot{a}:\dot{a}w$ γ^oγ^o a:z 'что я за герой (есмы)' (D.X, 64); 3-е л. ед. личн. $\underline{d.}\dot{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{w}$ (< * $\underline{d}\dot{z}:\underline{z}\dot{a}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{w}$) 'кто он есть' (D. VI, 81); 3-е л. ед. неличн. $\underline{y.}\dot{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{w}:\dot{z}\dot{a}\dot{y}$ (< * $\underline{y}\dot{a}:\underline{z}:\underline{z}\dot{a}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{w}:\dot{z}\dot{a}\dot{y}$) 'почему это (есмы)?' (D. V, 76, D. VI 100, 120, 126, 148); $\underline{i.}\dot{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{j}$ (= $\underline{j}\dot{a}:\underline{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{j}$) 'это что есть' (II.52⁴); 2-е л. мн. $\underline{s}\dot{a}:\underline{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{w}:\dot{z}\dot{a}\dot{y}$ 'что вы за люди?' (D. V, 100).

Кроме случая с обстоятельственно-относительным префиксом z(ə) (< *z:zə), во всех приведенных формах ударение или стоит на конце глагольной основы или перебрасывается на следующий за ней член сложения. Так как показатель l-ряда z(ə) имеет всегда (-)-валентность, то стоящие перед ним показатели d-ряда должны иметь (-)-валентность, в противном случае они должны были бы нести на себе акцент. Следующие за показателем z(ə) слоги корня могут быть маркированы тройным образом: 1. + +, 2. - +, 3. --. Порядок *+- отклоняется формами $\underline{d.}\dot{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{w}$, $\underline{i.}\dot{z}:\underline{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{j}$ и подобными же формами без префиксов d-ряда: $\underline{z.}\dot{a}\dot{k}^o\dot{a}:\dot{w}:\dot{z}\dot{a}\dot{y}$ 'что есть?' (D. IV, 17, 52, D.IX,

15, 19); *z. ak^oə'-zi* 'кто бы (это) был?' (Ц. 514); *z. ak^oə'-zej* '(это что (есть))' (Ц. 523). Но последовательность ++ не может быть принята из-за формы с обстоятельственно-относительным префиксом *z(ə)* (< **z:zə*): *y.z. ak^oə':w: zəy* 'почему это (есть)'. Обстоятельственно-относительный префикс *z(ə)* имеет (+)-валентность, подтверждаемую акцентовкой ряда словоформ и объясняемую его происхождением из сочетания относительного префикса *z(ə)* с обстоятельственной частицей – превербом *z(ə)*. При следующем за ним порядке ++ ударение должно было упасть на последний +, т.е. на второй слог корня. Зафиксированное ударение возможно лишь при последовательностях валентностей корневых слогов -- или - +, в обоих этих случаях первичное ударение на *ə* обстоятельственно-относительного префикса *z(ə)* после падения этого гласного перед гласным *a* корня должно было переместиться на последний, причем, как и в других аналогичных случаях, этот последний гласный с (-)-валентностью продолжал служить границей платформы (+)-валентностей, т.е. ударение с него дальше вправо не сдвигалось, даже в том случае, когда следующий за ним гласный имел (+)-валентность.

Рассмотрение финитных форм показывает, что в них ударение стоит постоянно на первом гласном корня, т.е. на этом же *a*, что означает то, что «субъектные» показатели *l*-ряда (по-видимому, все без исключения) в этом глаголе имеют (+)-валентность: 1-е л. ед. – *s. ak^oə':zə:r* (< **sə. ak^oə':zə:r*) 'если я ем' (D. V, 76); 3-е л. ед. (муж.) – *y. ak^oə':n* (< **yə. ak^oə':n*) 'он был' (D. III, 40, D. VI, 82, D. IX, 62); *y. ak^oə':zə:r* (< **yə. ak^oə':zə:r*) 'если он есть' (D. XI, 7); 3-е л. ед. жен. *l. ak^oə':n* (< **lə. ak^oə':n*) 'она была' (D. II, 15); 3-е л. ед. нелич. – *h^o(a) ak^oə':n* (< *h^oa ə. ak^oə':n*) с латентным показателем 3-е л. ед.ч. нелич. *a-* 'речь была' = 'это значило' (D. V, 58, 61); 2-е л. мн.ч. – *s. ak^oə':zə:r* (< **sə. ak^oə':zə:r*) 'если бы вы были' (D. IX, 80).

Эта (+)-валентность подтверждается и акцентовкой инфинитивных образований с обстоятельственно-относительным формантом *-s(ə)*: 3-е л. ед.ч. м.р. *s. y. ak^oə':z* (< **sə. y. ak^oə':z*) 'то, что он есть' (D. V, 27); 3-е л. ед.ч. нелич. – *s. ak^oə':z* (< **sə. ak^oə':z*), с латентным из-за вокалического начала корня классно-личным показателем *-a* 'что это есть' (D. III, 30). Наиболее показательна первая форма, в которой при (-)-валентности классно-личного показателя ударение должно было падать на формант *sə*, что и наблюдается в соответствующих формах (ударение второй формы было бы иным лишь при (-)-валентности как форманта *sə*, так и классно-личного показателя *a*). Так как (+)-валентность классно-личные показатели *l*-ряда имеют лишь

в том случае, когда они являются показателями косвенного объекта (отвлекаемся здесь от специфики каузативов и особых случаев), естественно думать, что в рассматриваемом глаголе, во всяком случае с исторической точки зрения, мы имеем дело не с аномальным употреблением формантов *l*-ряда в качестве показателей субъекта в переходном глаголе, а с нормальным употреблением их в качестве показателей косвенного объекта. Семантически это можно представить следующим образом: 'человек существование (бытие, сущность) его (показатель *l*-ряда) [он (показатель *d*-ряда)] князь есть' (ситуация из D. VI). Иначе говоря, данный глагол должен рассматриваться как один из инверсивных глаголов.

2. Глагол *u-c-taxxyn* 'то я хочу' в ГрАбхЯ (с. 101) рассматривается как инверсивный, т.е. такие случаи как *y. taxxə':w* 'он хочет' (D. VIII, 73, D. XI, 25, 65), *də.r. taxxə':w* 'её они хотят' (D. VII, 58), *də.s. taxxə':w* 'его (её) я хочу' (D. XI, 28, 46) должны рассматриваться как, соответственно, 'ему хочется', 'им её хочется', 'мне его (её) хочется'. Маркировка валентностей слогов корня проведена выше по показанию акцентовки масдара: *a. tax. xa. rə'* (< **a. taxxə. xa. rə'*) 'желать' (M. 40^b). Так как при (+)-валентности и глухом начале корня показатели субъекта переходного глагола и косвенного объекта практически не различимы, такая трактовка была бы приемлемой, если бы ей не противоречило ударение инфинитивных форм, согласные показания которых указывают на (-)-валентность показателей *l*-ряда в этом глаголе: 1-е л. ед.ч. – *yə. s. taxxə. w* 'что я хочу' (D. IX 52, 68), *d. s. s. tax. xə* (< **də. s. s(ə). taxxə. xa. wə*) 'что её я желаю (сватаю)' (D. XI, 38); 2-е л. ед.ч. жен. – *yə. b. taxxə. w. zəy* 'что ты (жен.) хочешь?' (D. IX, 52); 3-е л. ед.ч. муж. – *yə. y. taxxə. z* 'что он хотел' (D. VIII, 68); 3-е л. ед.ч. жен. – *yə. l. taxxə. w* 'что она хочет' (D. IX, 65), *yə. l. taxxə. o. z* 'что(pl.) она хотела' (D. IX, 73, 74), *yə. l. tax. xa. k^o. a. z* 'что (pl.) она хотела' (D. IX, 71, 72); 2-е л. мн. – *yə. s. o. taxxə. w. zəy* 'что вы хотите?' (D. V, 104); 3-е л. мн. – *y. s. r. taxxə. z* *ayrə* 'это как (только) они захотели' (D. X, 65).

Таким образом акцентологические данные препятствуют рассмотрению глагола *u-c-taxxyn* 'я это хочу' как инверсивного – приходится считать его обычным переходным глаголом, несмотря на уникальность этого статуса для стативов.

спрашиваю' ($\underline{a}-\underline{c}\underline{q}-\underline{r}\underline{q}$); 16. $\underline{j}\underline{a}-\underline{z}\underline{t}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ 'тает' ($\underline{a}-\underline{z}\underline{t}-\underline{r}\underline{q}$ Дж. 374); 17. $\underline{s}-\underline{j}\underline{a}-\underline{j}\underline{t}$ 'ложусь' ($\underline{a}-\underline{j}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 18. $\underline{s}-\underline{t}\underline{a}-\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'сажусь, сяду' ($\underline{a}-\underline{t}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 19. $\underline{j}\underline{a}-\underline{c}\underline{a}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ 'замерзает; морозит' ($\underline{a}-\underline{c}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 20. $\underline{s}\underline{a}-\underline{g}\underline{t}\underline{l}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ 'встаю' ($\underline{a}-\underline{g}\underline{t}\underline{l}$ Дж. 90), и под.

Инфинитивные формы с формантами (+)-валентности в данной группе не имеют ударения на этих формантах именно в силу контурного правила, ср.:

(2) $\underline{d}-\underline{a}\underline{n}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}$ 'когда он(а) пошел (пошла)' (D. VIII, 28, 29); $\underline{y}\underline{a}-\underline{n}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}$ 'когда они проехали' (D.I, 21); $\underline{b}\underline{a}-\underline{n}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}-\underline{l}\underline{q}\underline{k}$ '(каждый раз) когда ты (жен.) пойдешь' (D. VI, 74); $\underline{s}\underline{a}-\underline{x}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}$ 'куда я еду (иду)' (D.V, 34), $\underline{s}-\underline{a}\underline{x}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}\underline{z}$ 'куда я ходил' (D. VIII, 34), $\underline{s}-\underline{a}\underline{x}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}-\underline{l}\underline{q}\underline{k}$ 'и куда я (всякий раз) прибуду' (D.V, 18), $\underline{d}\underline{a}-\underline{s}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}\underline{z}$ '(в то время) как он(а) шел (шла)' (D.IV, 120), $\underline{y}-\underline{s}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}\underline{z}$ 'он (неличн.) как шел' (D.IV, 16); $\underline{s}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}\underline{z}$ 'что уходит' (D.V, 36);

(6) $\underline{n}-\underline{s}\underline{a}$ 'когда рассвело' (D.VII, 43, 53); $\underline{n}-\underline{s}\underline{a}-\underline{l}\underline{q}\underline{k}$ '(каждый раз) когда рассветет' (D.VI, 61); $\underline{s}\underline{a}\underline{z}$ (= $\underline{s}\underline{z}-\underline{s}\underline{a}\underline{z}$) 'что рассвело' (D.VII, 51), ср. отрицательную форму: $\underline{s}\underline{z}\underline{m}-\underline{s}\underline{a}\underline{z}$ 'что не рассвело' (D.VII, 51);

(11) $\underline{d}-\underline{a}\underline{n}\underline{z}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}$ 'когда он умер' (Ц. 423-24), $\underline{s}-\underline{a}\underline{n}\underline{z}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}-\underline{l}\underline{q}\underline{k}$ 'когда я умру' (Ц. 423); $\underline{y}-\underline{s}\underline{z}\underline{m}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}\underline{z}$ 'что он (неличн.) умер' (D.IV, 14);

(14) $\underline{d}-\underline{a}\underline{n}\underline{z}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}$ 'когда он(а) посмотрел(а)' (D. V, 26, D.IX, 37, D.X, 22), $\underline{y}-\underline{a}\underline{n}\underline{z}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}$ 'когда она (неличн.) посмотрела' (D.IV, 14);

(15) $\underline{d}-\underline{a}\underline{n}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}$ 'когда она спросила' (D.VII, 44); $\underline{y}\underline{a}-\underline{n}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}$ 'когда они спросили' (D.I, 15, 22);

(20) $\underline{d}\underline{a}-\underline{n}\underline{z}-\underline{g}\underline{t}\underline{l}$ 'когда он встал' (D, VIII, 80), $\underline{y}\underline{a}-\underline{s}\underline{z}-\underline{g}\underline{t}\underline{l}$ 'что он (неличн.) стоит' (D IX, 33) (на фоне этих совершенно регулярных акцентовок единичный пример: $\underline{d}-\underline{a}\underline{n}\underline{z}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}$ 'когда она умирала' (D. VIII, 2) выглядит как ошибка).

II. Класс B (intr.) – (Суб. + Косв. + K)

1) Корни с (-)-валентностью. Согласно контурному правилу все глаголы этого типа получают ударение на показателе косвенного объекта.

1. $\underline{s}-\underline{y}\underline{a}-\underline{s}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ 'я бью его (личн.)' ($\underline{a}-\underline{s}-\underline{r}\underline{q}$); 2. $\underline{d}-\underline{r}\underline{q}-\underline{p}\underline{x}'\underline{a}\underline{y}\underline{t}$ 'он их позвал' (D.I, 29), $\underline{s}-\underline{q}\underline{p}\underline{x}'\underline{a}\underline{y}\underline{t}$ 'я читаю ее (книгу)' ($\underline{a}-\underline{p}\underline{x}'\underline{a}\underline{r}\underline{q}$); 3. $\underline{d}-\underline{y}\underline{a}-\underline{h}\underline{a}-\underline{y}\underline{t}$ 'он его просил' (D.IX, 3; $\underline{a}-\underline{h}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 4. $\underline{s}-\underline{y}\underline{a}-\underline{x}\underline{o}-\underline{w}\underline{p}\underline{j}\underline{t}$ 'я ему помогаю' ($\underline{a}-\underline{x}\underline{o}-\underline{r}\underline{q}$); 5. $\underline{j}\underline{a}-\underline{s}\underline{a}-\underline{a}\underline{w}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ (< * $\underline{j}\underline{a}-\underline{s}\underline{a}-\underline{a}\underline{w}\underline{a}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$) 'я получаю, достаю, добываю', букв. 'мне это достается' ($\underline{a}\underline{w}-\underline{r}\underline{a}$ < $\underline{a}-\underline{a}\underline{w}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 6. $\underline{s}-\underline{q}\underline{a}-\underline{c}\underline{h}\underline{a}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ 'я кусаю его (неличн.)', $\underline{d}-\underline{q}\underline{a}-\underline{c}\underline{h}\underline{a}-\underline{y}\underline{t}$ (D.IX, 14) 'она (личн.) ее (неличн.) укусила' ($\underline{a}-\underline{c}\underline{h}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 7. $\underline{s}-\underline{j}\underline{a}-\underline{x}\underline{z}-\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'я тяну его (муж)', $\underline{s}-\underline{q}\underline{a}-\underline{w}\underline{p}\underline{j}\underline{t}$ 'я тяну его (неличн.)', 'тяну, курю (табак)' ($\underline{a}-\underline{q}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 8. $\underline{s}-\underline{j}\underline{a}-$

$\underline{g}\underline{o}-\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'я его (личн.) толкаю' ($\underline{a}-\underline{g}\underline{o}-\underline{r}\underline{q}$); 9. $\underline{j}\underline{a}-\underline{s}\underline{z}-\underline{x}\underline{z}-\underline{w}\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'у меня болит' ($\underline{a}-\underline{x}\underline{z}-\underline{r}\underline{q}$), и под.

Так как в инфинитивных формах показатель формы присоединяется перед показателем косвенного объекта, а в порядке морфем глаголов этого класса последний является единственной слева от корня морфемой (+)-валентности, то присоединение инфинитивного показателя места ударения практически не меняет, ср.: (1) $\underline{y}-\underline{s}\underline{z}-\underline{q}\underline{z}-\underline{s}-\underline{w}\underline{q}\underline{z}$ 'как они его бьют' (D.I, 14); (2) $\underline{y}\underline{z}-\underline{q}\underline{z}-\underline{p}\underline{x}'\underline{z}$ 'кто ее (книгу) прочитает' (D.IX, 37), $\underline{d}-\underline{s}\underline{z}-\underline{q}\underline{z}-\underline{p}\underline{x}'\underline{z}$ 'когда она ее (книгу) читала' (D.IX, 40, bis, 51).

2) Корни с (+)-валентностью. Особенностью этого класса является то, что в него входит очень мало глаголов с корнями (+)-валентности. Во всяком случае, ни словари, ни акцентованные тексты не дают возможности составить достаточно представительный список.

Можно привести лишь следующие случаи: 1. $\underline{s}-\underline{q}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ 'я смотрю на какой-л. предмет', аор. $\underline{s}-\underline{q}\underline{p}\underline{s}\underline{z}\underline{z}-\underline{j}\underline{t}$ ($\underline{a}-\underline{p}\underline{s}\underline{z}-\underline{r}\underline{q}$ М. 82²); 2. $\underline{s}-\underline{q}\underline{z}-\underline{x}\underline{z}-\underline{w}\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'я нагоняю его (неличн.)' ($\underline{a}-\underline{x}\underline{z}-\underline{r}\underline{q}$ М. 132²) и, вероятно, 3. $\underline{j}\underline{a}-\underline{s}\underline{q}-\underline{h}\underline{q}-\underline{w}\underline{e}\underline{j}\underline{t}$ 'я это слышу', букв. 'это мне слышится' ($\underline{a}-\underline{h}\underline{q}-\underline{r}\underline{q}$), в последнем примере a в форманте $-sa-$ не может рассматриваться как направляющая частица $-a-$, так как последняя имеет явно (-)-валентность; может быть, здесь просто особое развитие гласного в форманте косвенного объекта.

Здесь же можно рассматривать несколько основ, исторически относящихся к классу F, но с дестимологизированным превербом, например: $\underline{s}-\underline{j}\underline{a}-\underline{n}\underline{j}-\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'я его встречаю, встречу' ($\underline{a}-\underline{n}\underline{j}-\underline{r}\underline{q}$, составной характер основы выявляется в отрицательной форме: $\underline{j}\underline{a}-\underline{n}\underline{j}-\underline{m}-\underline{j}\underline{z}$ 'который не встречал их' М. 64²) и под. Возможно, что в эту группу класса B входят еще несколько глаголов, но, по-видимому, существует тенденция избегать употребления «чистого» показателя косвенного объекта при корне (+)-валентности, используя в таких случаях преверб – направляющую частицу $-z(a)-$ («показатель версии»), например: 1. $\underline{d}\underline{a}-\underline{j}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}\underline{a}\underline{j}\underline{t}$ 'он спросил его' ($\underline{a}-\underline{c}\underline{q}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}$); 2. $\underline{s}\underline{a}-\underline{z}\underline{h}\underline{z}-\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'я расту', букв. 'у меня увеличивается' ($\underline{a}-\underline{z}\underline{h}\underline{z}-\underline{r}\underline{q}$); 3. $\underline{a}\underline{z}\underline{z}-\underline{x}\underline{z}-\underline{q}\underline{j}\underline{t}$ 'хватит ему (неличн.), достаточно для него' ($\underline{a}-\underline{x}\underline{z}-\underline{r}\underline{q}$ М. 39^a, 135^b, ср. также отрицательную форму $\underline{j}\underline{a}-\underline{s}\underline{z}-\underline{z}\underline{h}\underline{z}-\underline{m}-\underline{j}\underline{z}$ '(этого) мне недостаточно' М. 39^a; по-видимому, как результат аналогии отрицательных форм объясняется аномальное ударение $\underline{j}\underline{a}-\underline{s}\underline{a}\underline{z}\underline{z}-\underline{x}\underline{z}-\underline{j}\underline{t}$ 'мне достаточно' М 39^a).

При этом если перед показателем $z(a)$ вставляется направляющая частица $-a-$ с (-)-валентностью, группа косвенного объекта получает постоянное ударение, ср.: $\underline{d}-\underline{r}\underline{q}-\underline{a}\underline{z}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}\underline{y}\underline{t}$ (< * $\underline{d}\underline{a}-\underline{r}\underline{q}-\underline{a}\underline{z}\underline{z}-\underline{c}\underline{q}\underline{j}\underline{t}$)

‘она у них спросила’ (D.I, 39); $y: \underline{a}: z. c \bar{a}: j t$ (< $*(y \bar{a}). y \bar{a}: \underline{a}: \underline{z} \bar{a}: c \bar{a}: j t$) ‘у него спросили’ (D.VI, 8); $s: s \bar{o}: \underline{a}: z. c \bar{a}: p$ (< $*s \bar{o}: \underline{a}: \underline{z} \bar{a}: c \bar{a}: p$) ‘я у вас буду спрашивать’ (D.I, 34); см. также инфинитную форму: $\underline{d}. \underline{a} \bar{n}: y: \underline{a}: z. c \bar{a}$ (< $*\underline{d} \bar{a}. \underline{a} \bar{n}: j \bar{a}: \underline{a}: \underline{z} \bar{a}: c \bar{a}$) ‘когда она у него спросила’ (D.VII, 27).

В этих фактах, по-видимому, можно видеть проявление начального этапа развития ударения в направлении к категориальному акценту, которое должно привести к установлению (в данном случае) постоянной (вне специально маркированных случаев) ударности показателя косвенного объекта. Возможно, в более продвинутом виде подобная тенденция проявилась в ударении потенциалиса и ряда других форм, которых мы здесь касаться не будем ввиду их маргинального положения для нашей темы.

Для характеристики ударения инфинитных форм в этой группе можно привести следующие примеры: $\underline{a} \bar{n}. s \bar{q}. h \bar{a}$ (< $*(j \bar{a}). \underline{a} \bar{n}: s \bar{q}. h \bar{a}$) ‘когда я (это) услышал’, букв. ‘когда мне (это) услышалось’ (D.IV, 54, 54); $y \bar{a}. \underline{n}: s \bar{q}. h \bar{a}$ (< $*j \bar{a}. \underline{n}: s \bar{q}. h \bar{a}$) ‘когда я это услышал’, букв. ‘когда мне это услышалось’ (D.IV, 30).

III. Класс С (tr.) – (Прям. + Суб. + К).

Так как показатели субъекта переходного глагола имеют (–)-валентность, кроме 3-го л. ед.ч. неличн. -а-, употребляющегося довольно редко, а показатели прямого объекта d-ряда, будучи отделены от корня, также всегда (–)-валентны, глаголы этого класса различаются ударением в зависимости от валентности корня практически только в масдарах.

1) Корни с (–)-валентностью: 1. $j \bar{a}. s. f. w \bar{e} j t$ ‘я это ем’, $s. \bar{q}. f. q j t$ ‘чешется’, букв. ‘оно меня ест’ (M. 150^a; $\bar{q}. f \bar{a}. r \bar{q}$); 2. $j \bar{a}. w \bar{a}. z \bar{o} w \bar{e} j t$ ‘ты это пьешь’ ($\bar{q}. z \bar{o}. r \bar{q}$); 3. $j \bar{a}. j. p \bar{q} \bar{o}: \bar{e} j t$ ‘он его (неличн.) побил’ ($\bar{q}. p \bar{q} \bar{a}. r \bar{q}$, но также и $a. p. q \bar{a}. r \bar{a}$); 4. $j \bar{a}. z. f. a x: w \bar{e} j t$ ‘я это шью’ ($\bar{q}. f \bar{a} x. r \bar{q}$); 5. $j \bar{a}. s. z \bar{o} s \bar{o}: w \bar{a} j t$ ‘я это мбю’, $\underline{d} \bar{a}. z. z \bar{o} s \bar{o}: w \bar{a} j t$ ‘я его (личн.) мбю’ ($\bar{q}. z \bar{o} s \bar{o}: \bar{a}. r \bar{q}$); 6. $j \bar{a}. s \bar{a}. c h \bar{a} j t$ ‘я сообщил то’ ($\bar{q}. c h \bar{a}. r \bar{q}$ Дж. 359); 7. $j \bar{a}. s \bar{a}. s \bar{o} s \bar{o}: w \bar{a} j t$ ‘я это плету’ ($\bar{q}. s \bar{o} s \bar{o}: r \bar{q}$ ‘плести’, в M. 96^b также и $a. s \bar{o} s \bar{o}: r \bar{a}$); 8. $j \bar{a}. s \bar{a}. b \bar{z} \bar{q} j t$ ‘я его приучиваю, объезжаю’ ($\bar{q}. b \bar{z} \bar{a}. r \bar{q}$); 9. $j \bar{a}. s. p \bar{s} \bar{o} \bar{a}: w \bar{a} j t$ ‘отыскиваю это’ ($\bar{q}. p \bar{s} \bar{o} \bar{a}: r \bar{q}$), и под.

2) Корни с (+)-валентностью: 1. $j \bar{a}. z. h. w \bar{e} j t$ ‘я это вижу’, $s \bar{a}. g \bar{o} \bar{a} p. h: w \bar{e} j t$ ‘мое сердце видит, мне кажется’ ($\bar{q}. b \bar{q}. r \bar{q}$ M. 23^a, 38^b); 2. $j \bar{a}. s. h \bar{o}: \bar{q} j t$ ‘я это говорю’ ($\bar{q}. h \bar{o}: \bar{q}. r \bar{q}$); 3. $(j \bar{a}) j \bar{a}. k. w \bar{e} j t$ ‘он (это)

ловит, держит’ ($\bar{q}. k. r \bar{q}$ Дж. 149, 150, M. 49^{a-b}); 4. $j \bar{a}. l. p. w \bar{o}: j t$ ‘она это вяжет, плетет’ ($\bar{q}. p \bar{a}. r \bar{q}$); 5. $j \bar{a}. z. b \bar{a} l. w \bar{e} j t$ ‘я это жгу’ ($\bar{q}. b \bar{a} l. r \bar{q}$ ‘сжечь, ошпарить’ M. 24^b); 6. $j \bar{a}. z. j. w \bar{e} j t$ ‘жарю’ ($\bar{q}. j. r \bar{a}$); 7. $j \bar{a}. s. s \bar{o} j t$ ‘я это убиваю’ ($\bar{q}. s \bar{o}. r \bar{a}$); 8. $j \bar{a}. s. p \bar{s}. w \bar{e} j t$ ‘я мету, подметаю’ ($\bar{q}. p \bar{s} \bar{q}. r \bar{a}$); 9. $j \bar{a}. z. z: w \bar{e} j t$ ‘я их обманываю’ ($\bar{q}. z \bar{q}. r \bar{a}$); 10. $j \bar{a}. s. s \bar{o}. w \bar{e} j t$ ‘я это делаю, творю’ ($\bar{q}. s \bar{o} \bar{q}. r \bar{a}$); 11. $j \bar{a}. s. s. w \bar{o} j t$ ‘я брею’ ($\bar{q}. s. r \bar{a}$); 12. $j \bar{a}. s. s. w \bar{o} j t$ ‘я это крою, обрезаю’ ($\bar{q}. s \bar{q}. r \bar{a}$); 13. $j \bar{a}. z. j: w \bar{e} j t$ ‘я это ворую’ ($\bar{q}. j \bar{q}. r \bar{a}$); 14. $j \bar{a}. s. c \bar{o}. w \bar{o} j t$ ‘я это сосу’ ($\bar{q}. c \bar{o} \bar{a}. r \bar{a}$); 15. $j \bar{a}. s. c \bar{e} j t$ ‘я это изучаю, этому учусь’ ($\bar{q}. c \bar{e} \bar{q}. r \bar{a}$); 16. $j \bar{a}. s. x. w \bar{e} j t$ ‘я это точу, пилю’ ($\bar{q}. x. r \bar{a}$); 17. $j \bar{a}. s. x \bar{o}: \bar{q} j t$ ‘я это просеиваю’ ($\bar{q}. x \bar{o}. r \bar{a}$); 18. $\underline{d}. l \bar{a}. x \bar{s}: \bar{q} j t$ ‘она его рожает’ ($\bar{q}. x \bar{s} \bar{q}. r \bar{a}$); 20. $j \bar{a}. z. \bar{w}: w \bar{e} j t$ ‘я это пишу’ ($\bar{q}. \bar{w}: \bar{o}. r \bar{a}$); 21. $j \bar{a}. z. w. \bar{q} j t$ ‘я это делаю’, ‘я с этим соглашаюсь’ ($\bar{q}. w. r \bar{a}$); 22. $j \bar{a}. z. d \bar{a} r: w \bar{e} j t$ ‘я это знаю’ ($\bar{a}. d \bar{a} r: r \bar{q}$; вариант $j \bar{a}. z. d \bar{a} r. w \bar{e} j t$, по-видимому, в результате аналогии), и под.

Вероятно, можно значительно увеличить материал обоих подразделений как за счет более полного учета фонда литературного языка, так и за счет диалектных данных, однако, по-видимому, основная черта этого класса (значительный перевес количества глаголов с корнями (+)-валентности, над глаголами с корнями (–)-валентности – в 2-3 раза) при этом сохранится. Та диспропорция, которую мы наблюдали в классе В, как бы компенсируется диспропорцией в классе С.

Положение форманта субъекта переходного глагола с (–)-валентностью, служащей границей платформы (+)-валентностей, непосредственно перед корнем определяет однообразную акцентовку инфинитных форм у обоих подразделений глаголов этого класса, ср.:

(1) 1. $y \bar{a}. r. f \bar{a}. s \bar{q}$ ‘что они будут есть’ (D.VI, 5), $y \bar{a}. y. f \bar{a}. s \bar{q}. z$ ‘что он будет есть’ (D.X, 6); $k \bar{r}. n \bar{a}. r. f \bar{o}: z$ ‘когда они ели’ (D.XI, 63); $y. s \bar{a}. l. f \bar{a}. s \bar{q}: z$ ‘чтобы она его (неличн.) съела’ (D.IX, 11); 2. $\underline{a} \bar{n}: z. z \bar{o}$ ‘когда я выпила’ (D.IX, 54), $\underline{a} \bar{n}: z. z \bar{o}. l \bar{a} k$ ‘(всякий раз) когда я выпью’ (D.VI, 74), $\underline{a} \bar{n}: l. z \bar{o}$ ‘когда она выпила’ (D.IX, 27); 3. $\underline{d}. \underline{a} \bar{n}: j. p. q \bar{a}$ ‘когда он его высекает’ (M. 66^{a-b}).

(2) 1. $y \bar{a}. z. b \bar{q}: z$ ‘которого (которую) я видел’ (D.V, 5, 6), $y \bar{a}. z. b \bar{q}. k \bar{o}: z$ ‘что (pl.) я видел’ (D.V, 120), $y \bar{a}. y. b \bar{q}: z$ ‘которую он видел’ (D.V, 30), $y. \bar{a} h. b \bar{q}. k \bar{o}: z$ (< $*y \bar{a}. \bar{a} h. b \bar{q}. k \bar{o}: z$) ‘что (pl.) мы видели’ (D.I, 42), $y \bar{a}. z \bar{o}. b \bar{q}. k \bar{o}: z$ ‘что (pl.) вы видели’ (D.I, 33, 35); $\underline{d}. \underline{a} \bar{n}: z. b \bar{q}$ ‘её когда я увидел’ (D.V, 42), $\underline{a} \bar{n}: y. b \bar{q}$ ‘когда он увидел’ (D.V, 36 и др.), $\underline{d}. \underline{a} \bar{n}: y. b \bar{q}$ ‘ее (его) когда он увидел’ (D.V, 30 и др.), $y. \underline{a} \bar{n}: y. b \bar{q}$ ‘когда это он увидел’ (D.VIII, 24), $\underline{a} \bar{n}: l. b \bar{q}$ ‘когда она уви-

дела' (D. I, 39) и др.), $\underline{d. an\dot{a}.l. b\dot{a}}$ 'когда его она увидела' (D.I, 39 и др.), $\underline{y. an\dot{a}.l. b\dot{a}}$ 'когда это она увидела' (D.VII, 27 и др.), $\underline{y. an\dot{a}.ah. b\dot{a}}$ ($< *y\dot{a}. an\dot{a}.ah. b\dot{a}$) 'когда мы это увидели' (D.V, 102), $\underline{an\dot{a}.r. b\dot{a}}$ 'когда они увидели' (D. V, 45, 72); 2. $\underline{y\dot{a}.w. h^o\dot{a}:z}$ 'что ты сказал' (D. V, 113), $\underline{y\dot{a}.l. h^o\dot{a}:z}$ 'что она сказала' (D.I, 62, D.VIII, 9), $\underline{y\dot{a}.l. h^o\dot{a}. k^o\dot{a}:z}$ 'что она сказала' (D.I, 62, D.VIII, 9), $\underline{y\dot{a}.l. h^o\dot{a}. k^o\dot{a}:z}$ 'что (pl.) она сказала' (D.V, 89); $\underline{an\dot{a}.s. h^o\dot{a}}$ 'когда я сказал' (D.VI, 48), $\underline{an\dot{a}.y. h^o\dot{a}}$ 'когда он сказал' (D.I, 38 и др.), $\underline{an\dot{a}.l. h^o\dot{a}}$ 'когда она сказала' (D.II, 40 и др.), $\underline{an\dot{a}.r. h^o\dot{a}}$ 'когда они сказали' (D.I, 8 и др.); $\underline{s\dot{a}.y. h^o\dot{a}:z}$ 'что (союз) он говорит' (D.VI, 112); 3. $\underline{y\dot{a}.s. k^{\dot{a}}:z}$ 'что я поймал' (D.VI, 15), $\underline{y\dot{a}.l. k^{\dot{a}}:z}$ 'которую она держала' (D.VI, 81); $\underline{y. an\dot{a}.l. k^{\dot{a}}$ 'когда она ее (нелич.) схватила' (D.IX, 45); 4. $\underline{s\dot{a}.r. p\dot{a}:z}$ 'что (союз) они вяжут, плетут (сети)' (D.VI, 6).

Эта тождественность акцентровки у инфинитивных форм глаголов обоих подразделений, естественно, не изменяется (при изменении самого места акцента) и в образованиях с формантом *z(ə) 'который', имеющим (-)-валентность: (1) $\underline{j\dot{a}.z. f\dot{a}:z}$ 'который это съел' (M. 150^a); $\underline{z. z^o. w\dot{a}. g\dot{a}}$ ($< *z\dot{a}. z^o\dot{a}. w\dot{a}. g\dot{a}$) 'и кто (который) пьет (D.IX, 26); (2) $\underline{y\dot{a}.z. b\dot{a}}$ ($< *j\dot{a}.z\dot{a}. b\dot{a}. w\dot{a}$) 'который то видит' (DGr. с. 37, § 40); $\underline{z. k^{\dot{a}}. w\dot{a}:z}$ ($< *z\dot{a}. k^{\dot{a}}. w\dot{a}:z$) 'который (-ые) ловит(ят)' (D.VI, 6); $\underline{z. p\dot{a}. k^{\dot{a}}:z}$ ($< *z\dot{a}. p\dot{a}. k^{\dot{a}}:z$) 'который(-ые) плетет(-ут)' (D.VI, 15, 30), $\underline{z. p\dot{a}. k^{\dot{a}}:z}$ ($< *z\dot{a}. p\dot{a}. k^{\dot{a}}:z$) 'которые плетут'; для этого же форманта в косвенном падеже с направительной частицей -a- ср.: $\underline{z. a. s. h^o\dot{a}:z}$ 'которому я рассказал' (D.V, 120).

Это тождество акцентровок инфинитивных форм обоих подразделений может нарушаться лишь при показателе 3-го л. ед. ч. неличн. -a-, где при (-)-корне следует ожидать ударение типа $\underline{*an\dot{a}. \acute{a}. fa}$ ($< *an\dot{a}. \acute{a}. fa$) 'когда оно съело' (ср. ударение финитной формы $\underline{a. \acute{a}. fe:jt}$ ($< *da. \acute{a}. fa:jt$) 'она (собака) его съела' M. 150^a; примеры инфинитивных форм с показателем -a- при (-)-корнях в текстах не встречены), тогда как при (+)-корнях происходит дальнейший сдвиг ударения вправо на конец «платформы плюсов»: $\underline{an\dot{a}. \acute{a}. b\dot{a}}$ ($< *an\dot{a}. \acute{a}. b\dot{a}$) 'когда оно увидело' (D.IV, 16); $\underline{y. an\dot{a}. \acute{a}. b\dot{a}}$ ($< *y\dot{a}. an\dot{a}. \acute{a}. b\dot{a}$) 'когда оно это увидело' (D.IV, 27); $\underline{an\dot{a}. \acute{a}. h^o\dot{a}}$ ($< *an\dot{a}. \acute{a}. h^o\dot{a}$) 'когда оно сказало' (D.IV, 11 и др.); $\underline{y. an\dot{a}. \acute{a}. k^{\dot{a}}$ ($< *j\dot{a}. an\dot{a}. \acute{a}. k^{\dot{a}}$) 'когда оно ее (нелич.) потянуло (схватило, поймало)' (D.IV, 32).

Из «чистых» представителей этого класса нам известно лишь два глагола. По счастливой случайности их достаточно, чтобы показать причины однообразия акцентровки финитных форм в данном классе:

1) глагол с корнем (-)-валентности: $\underline{w. l\dot{a}. s. t\dot{a}}$ ($< *w\dot{a}. l\dot{a}. s\dot{a}. ta. w\dot{a}:jt$) 'тебя ей я даю' ($\acute{a}-ta. r\dot{a}$); 2) глагол с корнем (+)-валентности: $\underline{j\dot{a}. r\dot{a}. s. g. w\dot{e}jt}$ ($< *j\dot{a}. r\dot{a}. s\dot{a}. g\dot{a}. w\dot{a}:jt$) 'переправляю', т.е. 'это им я несу' ($\acute{a}-g\dot{a}. r\dot{a}$ M. 28^b-29^a). Это однообразие в данных глаголах должно, по видимому, нарушиться при присоединении показателя субъекта 3-го л. ед. ч. неличн. -a-, однако формы с этим показателем нам в текстах не встретились.

В остальных известных нам случаях класса D показатель косвенного объекта появляется в сопровождении направительной частицы -a-, (-)-валентность которой обеспечивает неподвижное ударение на группе косвенного объекта, независимо от валентности показателя субъекта, ср.: $\underline{j\dot{a}. s\dot{a}. \acute{a}. r\dot{a}. h^o\dot{a}. w\dot{a}:n}$ ($< *j\dot{a}. s\dot{a}. \acute{a}. r\dot{a}. h^o\dot{a}. w\dot{a}:n$) 'они говорили мне это' (M. 147^a); $\underline{y. \acute{a}. l. h^o\dot{a}:yt}$ ($< *j\dot{a}. \acute{a}. l\dot{a}. h^o\dot{a}:yt$) 'ему она сказала' (D. V, 48, 91), $\underline{l. \acute{a}. y. h^o\dot{a}:yt}$ ($< *l\dot{a}. \acute{a}. j\dot{a}. h^o\dot{a}:jt$) 'ей он сказал' (D.V, 55), и под., и так же в инфинитивных формах: $\underline{y. w\dot{a}. \acute{a}. s. h^o\dot{a}}$ ($< *j\dot{a}. w\dot{a}. \acute{a}. s\dot{a}. h^o\dot{a}. w\dot{a}$) 'что тебе я скажу' (D.V, 87, 114); $\underline{y. an\dot{a}. \acute{a}. l. h^o\dot{a}}$ ($< *j\dot{a}. an\dot{a}. \acute{a}. l\dot{a}. h^o\dot{a}$) 'когда это им она сказала' (D.V, 35). Это место ударения сохраняется и при отсутствии показателя субъекта, ср.: $\underline{y. r\dot{a}. \acute{a}. h^o\dot{a}. n\dot{a}}$ ($< *j\dot{a}. r\dot{a}. \acute{a}. h^o\dot{a}. n\dot{a}$) 'это им сказав' (D.V, 28), т.е. так же как в $\underline{y. \acute{a}. h^o\dot{a}. n\dot{a}}$ ($< *j\dot{a}. \acute{a}. h^o\dot{a}. n\dot{a}$) 'его попросив' (D.III, 8). Валентность показателя z(ə) 'который' в функции косвенного объекта обсуждалась выше.

Не разбирая подробно акцентровку приставочных классов глаголов, укажем на ее основные особенности. Она основывается на акцентуационных валентностях составляющих частей основы глагола, т.е. преверба и корня и определяется контурным правилом. При этом порядок ++ в спрягаемых формах переходных глаголов раскалывается (-)-валентностью субъектного показателя, который инфигируется между превербом и корнем, ср.: масдар $\underline{a. k\dot{a}. ps\dot{a}. r\dot{a}}$ 'набросать, насыпать', аор. $\underline{j\dot{a}. k\dot{a}. j. ps\dot{a}:jt}$ ($< *j\dot{a}. k\dot{a}. j\dot{a}. ps\dot{a}:jt$) 'он набросал, насыпал это'. Ряд превербов с (-)-валентностью вызывает (+)-валентность показателей d-ряда, в том случае, когда они непосредственно предшествуют данным превербам, т.е. в классах E и G. Это обуславливает ударность данных показателей у соответствующих глаголов, ср.: $\underline{d\dot{a}. \acute{a}. l\dot{e}jt}$ 'он(а) вошел (вошла) вниз' ($\acute{a}-\acute{a}. la. r\dot{a}$); $\underline{j\dot{a}. \acute{a}. bg\dot{e}jt}$ 'оно рух-

нуло вниз ($\acute{q}'\text{-}\acute{c}a\text{-}b\acute{g}q\text{-}r\acute{q}$); $j\acute{p}'\text{-}\acute{c}a\text{-}s\text{-}p\acute{s}e\acute{j}t$. 'я бросил это вниз' ($\acute{q}'\text{-}\acute{c}a\text{-}p\acute{s}q\text{-}r\acute{q}$). Такая система акцентки показателей субъекта переходного глагола и прямого объекта переходного глагола, по-видимому, поддерживается аналогичным явлением в статических глаголах, так как эти превербы могут выступать в качестве основ стативов и показатели d -ряда имеют при них (+)-валентность (см. выше). Имеется однако ряд превербов с (-)-валентностью, которые не вызывают мены обычной (-)-валентности показателей d -ряда на (+)-валентность, и у глаголов с этими превербами показатели d -ряда остаются безударными, само же место акцента определяется по контурному правилу на основании валентностей составных частей формы. Это существование двух групп превербов с (-)-валентностью создает специфическую асимметричность системы, так как в инфинитивных формах обе группы ведут себя одинаково.

Аналогичный анализ акцентки бесприставочных каузативов приводит к выводу, что показатели l -ряда в функции субъекта каузативного глагола меняют свою валентность на противоположную, т.е. все показатели, кроме форманта 3-го л. ед.ч. неличн. (-а-) приобретают (+)-валентность, формант 3-го л. ед.ч. неличн. -а- получает (-)-валентность.

Принципиально идентична система с теми же двумя первичными акцентными типами имени, обнаруживающими очень близкие к абхазским модификации ударения в парадигме и в минимальном фразовом окружении, существует в убыхском (см. табл. 3).

Таблица 3

№	Формы и типы окружения	Акц. тип I	Акц. тип II
1.	Чл. и притяж. фм.	$\acute{q}\text{-}p\acute{s}\acute{q}'$ 'рыба' $s\acute{q}\text{-}p\acute{s}\acute{q}'$ 'моя рыба'	$\acute{q}'\text{-}n\acute{a}$ 'мать' $s\acute{q}'\text{-}n\acute{a}$ 'моя мать'
2.	Чл., указ. и притяж. фм. с союзом $g'\acute{a}$	$\gamma\acute{q}\text{-}p\acute{s}\acute{q}\text{-}g'\acute{a}$ 'и эта рыба'	$s\acute{q}'\text{-}n\acute{a}\text{-}g'\acute{a}$ 'и моя мать'
3.	Чл. и притяж. фм. erg. sg. с союзом $g'\acute{a}$	$\acute{q}\text{-}x'\acute{a}\text{-}n\text{-}g'\acute{a}$ 'и князь'	$\gamma\acute{q}'\text{-}t'\acute{a}\text{-}n\text{-}g'\acute{a}$ 'и его отец'
4.	Чл. фм. erg. pl.	$\acute{q}\text{-}\acute{c}'\acute{a}\text{-}n\acute{a}'$ 'лошади' (Услар)	$\acute{q}'\text{-}b\acute{a}y\acute{a}\text{-}n\acute{a}$ 'бараны'
5.	Чл. фм. loc. на -n\acute{a}	$\acute{q}\text{-}d\acute{a}x^0\acute{a}\text{-}n\acute{a}$ 'летом' (арх.)	$\acute{q}'\text{-}t\acute{x}^0\acute{a}\text{-}n$ 'на поле'
6.	Чл. фм. с послелогом $\gamma\acute{a}$	$\acute{q}\text{-}d\acute{a}\text{-}\gamma\acute{a}'$ 'на дворе, снаружи'	$\acute{q}'\text{-}t\acute{x}^0\acute{a}\text{-}\gamma\acute{a}$ 'на поле'

Сходную с абхазской систему акцентки обнаруживает и убыхский глагол:

- 1) бесприставочные глаголы: тип I intr. $\underline{a}\text{-}b\gamma\acute{a}n$ 'он-открывается', tr.-caus. $\underline{a}\text{-}s\acute{q}\text{-}b\gamma\acute{a}n$ 'его-я-открываю'; тип II intr. $s\acute{a}\text{-}b\acute{z}'\acute{a}n$ 'я-таю', tr.-caus. $\underline{a}\text{-}s\acute{q}'\text{-}b\acute{z}'\acute{a}n$ 'его-я-плавлю';
 - 2) приставочные интранзитивы: 1. $s\acute{a}\text{-}\acute{s}a\text{-}w\acute{a}n$ 'я вхожу', $s\acute{a}\text{-}z^0\acute{a}\text{-}t^0\acute{a}n$ 'я опускаюсь'; 2. $s\acute{a}\text{-}\acute{s}a\text{-}p\acute{t}\acute{a}n$ 'я смотрю внутрь', $s\acute{a}\text{-}w\acute{a}\text{-}\acute{c}'\acute{a}w\acute{a}n$ 'я падаю во что-л., между чем-л.'; 3. $s\acute{a}\text{-}b\gamma\acute{a}'\text{-}\acute{a}n$ 'я нападаю на', $s\acute{a}\text{-}b\gamma\acute{a}'\text{-}t^0\acute{a}n$ 'я спускаюсь с чего-л.'; 4. $s\acute{a}\text{-}b\gamma\acute{a}'\text{-}p\acute{t}\acute{a}n$ 'я смотрю на что-л.', $s\acute{a}\text{-}b\gamma\acute{a}'\text{-}\acute{c}'\acute{a}w\acute{a}n$ 'я падаю на что-л.';
 - 3) приставочные транзитивы-каузативы: 1. $\acute{s}a\text{-}s\acute{a}\text{-}w\acute{a}n$ 'я ввожу', $\underline{a}\text{-}z^0\acute{a}\text{-}s\text{-}t^0\acute{a}n$ '(его) я опускаю'; 2. $\underline{a}\text{-}\acute{s}a\text{-}\acute{c}'\acute{a}w\acute{a}n$ '(его) я заключаю во что-л.'; $w\acute{a}\text{-}s\acute{a}\text{-}\acute{c}'\acute{a}w\acute{a}n$ 'я бросаю во что-л.'; 3. $b\gamma\acute{a}'\text{-}s\text{-}t^0\acute{a}n$ 'я спускаю с чего-л.'; 4. $b\gamma\acute{a}'\text{-}s\acute{a}\text{-}\acute{c}'\acute{a}w\acute{a}n$ 'я бросаю на что-л.'
- Ср. также ударение перфекта от приставочных интранзитивов: 1. $\acute{s}a\text{-}w\acute{a}\text{-}q'\acute{a}$ 'вошел'; 2. $\underline{a}\text{-}\acute{s}a\text{-}p\acute{t}\acute{a}\text{-}q'\acute{a}$ 'он посмотрел в'; 3. $\acute{c}'\acute{a}'\text{-}w\acute{a}\text{-}q'\acute{a}$ 'вошел в дверь'; 4. $\acute{c}'\acute{a}'\text{-}w\acute{a}\text{-}t^0\acute{a}\text{-}q'\acute{a}$ 'открыто'.

Убыхский, так же как абхазский, обнаруживает сложное распределение акцентуационных валентностей у местоименных показателей: (+)-валентность – субъектные показатели бесприставочных транзитивов-каузативов и показатели косвенного объекта; (-)-валентность – показатели субъекта интранзитивов и приставочных транзитивов-каузативов и показатели прямого объекта. Такая ситуация с акцентуационными характеристиками местоименных префиксов в обеих акцентных системах свидетельствует, вероятно, о довольно сложной истории становления системы местоименных показателей в обоих языках и, возможно, о каких-то общих фонологических процессах.

Обе акцентные системы – абхазская и убыхская – обнаруживают не только типологическое сходство, но и генетическую общность, что может быть показано на всем этимологизируемом материале.

Реконструируемая абхазско-убыхская акцентная система, по-видимому, относится к периоду западнокавказской (абхазско-адыгской) языковой общности, поскольку следы ее обнаруживаются в акцентке адыгейских словосложений.

Сопоставление балто-славянской и западнокавказских акцентных систем имеет тем большее значение, что здесь мы встречаемся с нетривиальностью типологической аналогии: различные контурные правила при наличии одинаковых систем валентностей. Срегулированность

Этих правил с началом (в одном случае) и с концом (в другом случае) последовательности плюсов (и, соответственно, с началом и концом слова при однородном по +/- составе словоформы) заставляет предполагать, что в обоих случаях мы имеем дело с фонологизированной деформацией разных типов демаркационного акцента (в балто-славянском — начального, в западнокавказских — конечного) под влиянием просодических характеристик, которые имеют свойство находиться в отношении «доминантности—рецессивности» к иктусу. В достаточно отчетливом виде такое свойство обнаруживается лишь у тонов.

Примечание. Наряду с тональными языками с единым контурным правилом, что наблюдается, по-видимому, в западноафриканском регионе, имеются тональные языки, в которых при различных последовательностях тонов используются разные иктусовые правила. Так в языке усаруфа (Новая Гвинея) иктус ставится в конце платформы низких тонов (если словоформа полностью низкотональна), но в начале платформы высоких тонов (соответственно на одиночном высокотональном слоге), если словоформа состоит из высокотональных слогов, или включает в себя высокотональные слоги, однако, если словоформа, начинаясь платформой высоких тонов, заканчивается низким тоном, иктус ставится на последнем высокотональном слоге (См. «*Studies in New Guinea Linguistics*», Sidney, 1962, с. 114, материал также на с. 115—127). Объясняются ли эти правила как результат деформации какого-либо типа демаркационного акцента, может показать лишь специальное исследование. К сожалению, такие системы плохо описаны.

Поиск в направлении сопоставления с тоновыми системами поддерживается наличием случаев, видимо, переходных между системой слоговых тонов и системой парадигматического акцента. Такой случай, возможно, наблюдается в тубу (язык центральносахарской семьи)⁵, в котором, по-видимому, возникает система акцентных парадигм при затухании слоговых тонов. Правило постановки иктуса в тубу аналогично балто-славянскому: иктус ставится на первом высокотональном слоге. Ряд отклонений от морфонологически предсказываемого места ударения объясняется устранением уже в прото-тубу-канури некоторых тональных схем. Например, отмеченное Лукасом (с. 43) передвижение иктуса в производных прилагательных объясняется обще-тубу-канури процессом / \ / → \ \ /, ср. *dəna-dé* 'сильный' из *dána* 'сила' (< **dānà-dé* < **dānà-dé*, ср. канури *dúno* 'сила'), но *nárgé-dé* 'рваный' от *nárgé* 'разрыв' (< **nárgé-dé*, ср. канури *nárgé* 'трещина').

Этот и подобные примеры позволили выдвинуть гипотезу, согласно которой балто-славянская и западнокавказские системы представляют собой отображения систем слоговых тонов и возникли в результате падения тоновых различий с соответствующей фонологизацией акцентного контура, сопутствовавшего данным тоновым характеристикам.⁶ Реконструкция просодических систем, предшествовавших их отображениям⁷, представляет специфические трудности для сравнительно-исторического языкознания и требует объединения акцентологии и тонологии в рамках единой теории просодических систем⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Эту протосистему мы в дальнейшем будем называть балто-славянской, имея в виду лишь то, что она реконструируется на основе фактов балтийских и славянских языков. Соответственно прилагательное «балто-славянский» употребляется нами лишь в данном значении и никаких иных коннотаций не несет. Реконструкция балто-славянского прототипа славянской акцентной системы дается в работе: *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981. Специально для целей типологического сопоставления результаты этой работы изложены в статье: *Дыбо В.А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. I. Балто-славянский прототип праславянской акцентной системы. — Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

2 В качестве примеров приведены праславянские формы; прабалтийская реконструкция представляет собой в принципе тождественную систему парадигматического акцента.

3 Так как «начальная (первая) морфема первой последовательности морфем» — то же, что просто «первая морфема», это правило можно было бы сформулировать так: «иктус ставится на первой морфеме высшей валентности», однако типологические соображения (см. ниже) заставляют нас сохранить более развернутую формулировку.

4 Об акцентовке абхазских словосложений см. ниже; ср. *Дыбо В.А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. — Кузнецовские чтения 1973, М., 1973, с. 8—9, где были даны предварительные результаты анализа этих образований.

5 См. *Lukas J.* Die Sprache der Tubu in der zentralen Sahara. В., 1953. Подробный акцентологический анализ материалов этого языка дается в статье *Дыбо В.А.* в сб. Африканское историческое языкознание. М., 1987, с. 458—557.

6 По-видимому, имеются и внутриабхазские подтверждения предложенной гипотезе. Осенью 1977 г. С.А. Старостин обнаружил, что в тапантском диалекте

те абазинского языка, имеющем в основном тождественную абхазской системе парадигматического акцента, в ударном слоге противопоставлены два тона — высокий и низкий. Оказалось, что правило постановки на ударном слоге высокого или низкого тона зависит от того, какую валентность имеет данный слог: при (+)-валентности выступает высокий тон, при (-)-валентности — низкий. Таким образом, тонологическая гипотеза происхождения западнокавказских акцентных систем может считаться в настоящее время в значительной степени подтвержденной. Очевидно, тапантская акцентная система представляет этап, при котором тоны в безударных слогах потеряны и иктусовые правила уже не зависят от тональной структуры словоформы, но на ударном слоге акцентуационные валентности еще имеют фонологическое выражение в виде тонов.

7 Используем этот заимствованный из математики термин (синоним термина «функция»), чтобы подчеркнуть специфичный характер подобной «рефлексии» систем. Следует отметить, что и проведенное выше морфонологическое описание не является реконструкцией тонов. Оно отражает лишь некоторые свойства исчезнувшей системы тонов, воздействовавшие на место иктуса. Действительно, система тонов могла быть вовсе не бинарной; например, (+)-валентностью могли обладать два или три тона (высокий, восходящий, ломаный — восходяще-нисходящий) и под. В пользу предположения о западнокавказской системе, включавшей более двух тонов, говорит наличие немотивированных сегментными признаками мен валентностей в разобранной выше части абхазской системы и в каузативах; это подтверждается, по-видимому, наличием, по наблюдениям С.А. Старостина, третьего (нисходящего) тона в тапантском диалекте.

8 Возможность постановки в типологическое соответствие с тональными системами даже систем парадигматического акцента, в которых анализ по «акцентным валентностям» неприменим, позволяет поставить проблему шире: не являются ли любые системы парадигматического акцента «отображением» тональных систем? Так, например, тагальская акцентная система может быть «отображением» системы типа тональной системы японского диалекта Нагасаки (два тональных контура: один — низкий с повышением на последнем слоге словоформы, другой — высокий с понижением на последнем слоге). При контурном правиле, определяющем постановку акцента на последнем высоком слоге, мы получим систему, которая при определенных дополнениях — в виде метатонии (смены контура на противоположный) в ряде случаев и ограничения выбора контуров правилом Л. Блумфилда — может быть моделью тонального прототипа тагальской акцентной системы.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Бг. — *Бгажба Х.С.* Бзыбский диалект абхазского языка. (Исследование и тексты), Тб., 1964.
 ГрабхЯ — Грамматика абхазского языка, фонетика и морфология. Сухуми, 1968.

Гулиа Д.И. — *Гулиа Д.И.* Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми, 1939.

Дж. — *ჯანაშია В.* Архазур-kartuli leksikoni. Tbilisi, 1954 (*Джанашиа В.И.* Абхазско-грузинский словарь) — Цифры обозначают столбцы книги.

М.-*Март Н.* Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Л., 1926. — Цифры означают страницы книги.

РАбхСл. — Русско-абхазский словарь. Под ред. Х.С. Бгажба. Сухуми, 1964.

РАОС — *Кукба В., Хашба А.* Русско-абхазский обратный словарь. Под ред. К. Дондуа, Л., 1928.

Услар — *Услар П.К.* О языке убыхов. — Приложение к "Этнография Кавказа. Языкознание. I". Тифлис, 1887.

Ц. — *Cikolia M.* Архазური ენის აბჟური დიალექტი. Tbilisi, 1969. (*Циколия М.М.* Абхужийский диалект абхазского языка. Тб., 1969) — в статье приводятся примеры из текстов; цифра означает страницу, цифровой индекс строку сверху (пагинация текстов особая).

Шагиров — *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков [I] А—Н, [II] П—I, М., 1977.

D — *Dumézil G.* Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. V. Etudes Abkhaz. P., 1967. — Римская цифра означает номер абхазского текста, арабская — номер фразы.

D₅ — убыхские тексты в D., римская цифра означает номер убыхского текста, арабская — номер фразы.

D...Comm. — комментарий к абхазскому тексту в D.; римская цифра означает номер текста, арабская — номер фразы.

DGr. — грамматическая часть (*Esquisse grammaticale*) в D. — цифры означают страницу, параграфы специально отмечаются.